

ИМАГО

НА РАССВЕТЕ МЫ ВИДИМ ТЬМУ

Элен ФИР

Элен Фир

Имаго

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22167987

Имаго: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-118282-3

Аннотация

Выжившие после укуса Королевы люди, ставшие кровожадными монстрами имаго, лелеют надежду на ее гибель, ведь, по легенде, расправиться с жестокой правительницей может только собственная дочь.

Главная героиня Оливия, бездумно тратившая жизнь на бессмысленные вещи, становится жертвой одного из имаго. На изнанке привычного мира каждый шаг грозит обернуться гибелью от когтей безумных существ. Цепляясь за жизнь, Оливии предстоит найти таинственную дочь Королевы и помочь той исполнить миссию... но она не подозревает, что времени у нее почти не осталось.

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	45
Глава 4	65
Глава 5	79
Часть II	89
Глава 6	89
Глава 7	107
Глава 8	118
Глава 9	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Элен Фир

Имаго

*Моей единственной любви и моей дорогой семье
посвящаю.*

В оформлении издания использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Элен Фир, 2019

© Тамара Герасун, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Уже несколько часов шел проливной дождь. Шлепая по черным блестящим лужам, девушка задыхалась от быстрого бега. Ее лицо посерело от страха и усталости, на щеках проступили ярко-розовые пятна. Сумку с документами, ключами и прочими мелочами она давно бросила на одном из поворотов – как балласт, ведь преследователь не был грабителем. Он определенно хотел чего-то другого.

Девушка свернула за угол и вжалась в стену, прикрывая ладонью рот. Она кожей ощущала чудовище, неотвратимо движущееся сквозь вечерние сумерки: тяжелая поступь отдавалась вибрацией во всем теле, как первобытная музыка. Теперь оно исступленно приноживалось. Запах пота, духов и соленой крови, выступившей на разбитом колене, пробивался даже сквозь завесу дождя. Убежать не получится. Слишком поздно.

Девушка затаила дыхание. Утробное урчание раздалось совсем близко, и этот дикий, неестественный звук перерезал последние струны здравого смысла. Обезумев от страха, девушка развернулась, чтобы снова бежать, но цепкие лапы схватили ее и потянули к себе – так стремительно, что зашвистело в ушах.

Отчаянный крик на пару секунд вспорол ночь и оборвался.

Где-то на востоке заворчала гроза.

Часть I

Охота

В детстве я перечитала сказок о вампирах и грезила тем, чтобы уметь превращаться в летучую мышь, носить мантию, жить вечно и спать в гробу. На самом деле быть вампиром – это как становиться взрослым: ни одно из твоих ожиданий не оправдывается.

«Книга Смерти», заметки на полях от одного из держателей.

Глава 1

В детстве я ужасно боялась старого шкафа в своей комнате. Эти скрипучие двери, вечно приоткрытые, липкая мгла внутри... Обходя кровать, прежде чем лечь спать, я всегда замирала в необъяснимом ужасе перед полированной громадой. Казалось, тени внутри ожили и тянут чудовищные руки, чтобы утащить меня и съесть. Тогда я бегом неслась в постель, накрывалась одеялом с головой и пыталась уснуть, дрожа от глупого страха.

Став взрослой, я сама превратилась в такой шкаф: сияющая, с неизменно приоткрытыми створками – в самую глубь, в крошечную темень. И теперь я боюсь, как бы оттуда не по-

казалась уродливая морда чего-то похуже, чем монстры из детских страшилок.

* * *

Страшный сон растворился с приходом утра. Я перекатилась на спину, проморгалась и хмуро уставилась в потолок. В голове как будто копошились крысы – так сильно она болела. Надо бы скорее найти «Алка-Зельтцер». Отшвырнув одеяло, я вскочила с кровати и прошлепала к двери в ванную. Где-то в зеркальном шкафчике еще был аспирин, я уверена... Да, точно! Запив пилюлю водой из-под крана – божественный нектар, не иначе, – я блаженно закрыла глаза.

Что что-то не так, я поняла через пару мгновений. Коврик был сырым; в воздухе висел тяжелый горячий пар... Кто-то принимал душ? Кто? Встревоженная, я выскочила из ванной комнаты и ринулась на кухню. Подозрения подтвердились: на столе стоял деревянный икеевский поднос, нагруженный чашкой с хлопьями и ароматным кофе в блеске подтаявшего льда. И – надо же! – флакон «Алка-Зельтцера».

Кто-то прислонил к керамической солонке отвратительное доказательство преступления – полароидный снимок. Я брезгливо взяла его за уголок и расплылась в улыбке. Оливия Йеллоувуд собственной персоной: пьяная физиономия блестит (даже качественная пудра не смогла сдержать жир, которым сочилась моя кожа), волосы падают на смеющиеся-

ся глаза, зубы отражают блик фотовспышки, как в рекламе инновационной отбеливающей пасты. А рядом красавец, каких поискать, – мускулистый, ухоженный, словно сошедший с глянцевых обложек. Такие позируют с высушенными старыми клячами, но никак не с потными, почти тридцатилетними (как больно!) коровами. Я перевернула карточку.

Надеюсь, твое утро будет свежим и бодрым, как этот кофе, Лив! Спасибо за прекрасный вечер. Выпей таблетку. Сегодня тебя ждет самый лучший выходной!

Натан Гейбл

Натан Гейбл. Бариста. Черная футболка, бицепсы, взъерошенные светло-каштановые волосы. От него пахнет шоколадом, сливками и мужским гелем для душа. Я крепко задумалась. После пары выпитых стаканов во мне просыпалась Лив Гадкая Кадрила, за ошибки которой приходилось расплачиваться Утренней Оливии. Вчера мы немного повеселились в «Давилке», а потом...

Потом – поднос с хлопьями и «Алка-Зельтцер».

Не умывшись как следует, я вытащила из морозилки ведро «Бен-энд-Джерриз», села на диван в гостиной и включила телевизор. О, какое-то шоу про шестнадцатилетних девиц с богатыми папочками. Им не надо волноваться о том, что скоро вносить квартплату, что на работе полный разнос, а еще на носу двадцать восьмой день рождения. Я замерла, так и не донеся ложку с мороженым до рта и глядя на вы-

сушенную блондинку-подростка, истерично вопящую об испорченной вечеринке. Все родители – сволочи, никто в мире не понимает брендированного, клейменного «Адидасом», «Москино» и «Амэрикен Аппарел» подростка. Пройденный этап, позорная ступень развития, черная страница в жизни каждого человека, о которой можно сказать: *«Слава богу, оно закончилось»*. Я попыталась вспомнить свой пубертат, но мозг успешно блокировал неприятные эпизоды, оставив лишь привкус металлических пластинок на зубах.

Стационарный телефон заверещал. Я отставила мороженое на диванную подушку и, лениво потянувшись, сняла трубку.

– Алло.

– Привет, Оливия.

Я сразу узнала звонившего: только он всегда звал меня полным именем. Убрала звук телевизора, и тощая девушка на экране продолжила свои пляски на месте уже молча. Теперь шоу напоминало изгнание дьявола – не хватало только преподобного, брызгающего на нее дешевыми духами. Это бы сработало эффективней святой воды.

– Привет, Джейк.

– Чем занимаешься? Как дела?

– Дела? – Я подняла ведро. На светлой обивке дивана остался темный мокрый круг от конденсата. – Отлично дела. Сажу в трусах перед телевизором, ем мороженое.

– Ничего не меняется.

Такой чопорный, даже говорить всегда старается с британским акцентом. Я раздраженно поковыряла мокрое пятно.

– Так... зачем ты позвонил?

– Мы собирались сегодня встретиться в парке, помнишь?

– Конечно помню! – Нет, я не помнила. – Во сколько?

– В одиннадцать, как и договаривались. – Кажется, голос Джейкоба стал недовольным. – Холли все время говорит об этой встрече.

Я уронила ведро на пол, и оно возмущенно блякнуло, разметав ошметки содержимого. Восьмой день рождения племянницы оказался испорчен, когда я устроила грандиозный скандал, поругавшись с братом, и ушла с торжества – естественно, все это на глазах у его жены, Великолепной Шерил, Герцогини Сучьих Морд. После этого никто мне не звонил, а я делала вид, что так и надо.

– Она любит тебя, – со вздохом произнес Джейк, – правда, не знаю за что. Увидимся, Оливия.

– До встречи, братец.

Я уставилась в немой экран телевизора, отчаянно желая, чтобы он засосал меня внутрь, в горячие просторы Аризоны, но долг требовал возвращаться в реальность. На встречу с братом нужно было подобрать одежду – что-то максимально закрытое, женственное и желательно без пятен. Я выудила плечики с черным кашемировым джемпером и придирчиво осмотрела вещицу. Катышки.

К половине одиннадцатого в отражении ростового зеркала

ла жалко горбилась девица, облаченная в неудобные вещи, с прической, которая ей совершенно не шла... все как надо. Это особенный ритуал: бабочка должна сложить свои потерянные крылья и снова стать куколкой. Ритуал, без которого мой брат сможет и дальше свистеть в уши своей семье о том, какая распутная у него сестра.

В лифте мне встретилась супружеская пара. Я не знала их имен – мы только вежливо и немного неловко улыбнулись друг другу. Мужчина казался уставшим, но вот его жена... Буквально все в ней испускало сияние: и пепельные волосы, заплетенные в косу, и лучистые добрые глаза, и нежные руки с ногтями под ноль. Под тонким витым пояском под грудью виднелся аккуратный животик. Я забыла как дышать. Там, внутри, маленький человек. Копия этих мужчины и женщины, плод их любви. Такой же была Холли, да и я когда-то. Лифт звякнул, вспыхнула единица над дверью. Глядя, как муж аккуратно ведет жену под руку, я почувствовала горечь. У меня такого никогда не будет.

* * *

В парке было тихо и спокойно. Пожилые пары задумчиво вздыхали на лавочках, вспоминая лучшие годы, и укоризненно качали головами вслед расшумевшейся молодежи. Листья плакучих ив купались в блестящей, как ртуть, воде прудика с утками. Буйную шевелюру Джейка и светлый хво-

стик племяшки было видно издалека. Холли обернулась, почувствовав мое присутствие, и просияла.

– Лив! – закричала она, соскакивая с лавки. Я присела, распахнув объятия, и Холли стиснула меня в своих худеньких ручках, счастливо щуря глаза.

– Эй, куколка! – Я чмокнула ее в нежную линию подбородка. – Как твои дела?

– Теперь лучше, – сообщила Холли, – но мама злится, ты знаешь?

Конечно, как же не знать. Высокомерная Шерил Йеллоууд не переваривала меня, но тетка имеет право видеть свою племянницу тогда, когда захочет. Особенно если эта тетка одевает девочку и покупает ей игрушки.

– Оливия, – Джейк чопорно кивнул.

Он нисколько не изменился: такие же, как у меня, глаза с оттенком виски, черные живописно встрепанные волосы. На подбородке темнела густая поросль. Я насмешливо подняла брови – борода ему очень шла.

– Привет, Джейк.

Племяшка нетерпеливо попрыгала, все еще обнимая меня за талию.

– Я скучала, Лив, – серьезно сказала она. – Почему ты не приходишь?

– У меня были дела, детка, – ответила я, поиграв ее собранными волосами. – Иди, посмотри на уток. Нам с твоим папой надо поговорить.

Холли сердито замычала. Маленькая вредина! Я выразительно посмотрела на Джейка, и тот нахмурился:

– Иди, милая. Потом мы все вместе заскочим в пиццерию.

– Правда?

– Правда.

Холли недовольно скривилась, но все же расцепила объятия и отошла, нарочито сильно топая по гравийной дорожке. Я смотрела ей вслед, слабо улыбаясь, но краем глаза все равно видела, как Джейкоб сверлил меня испытующим взглядом.

– Меня выперли с работы, – призналась я, все еще не глядя на него, – видимо, ты был прав.

– И где ты теперь?..

– Кафе на Мемориал-стрит. Там неплохо...

– Не тараканник возле вокзала?

Я очень убедительно возмутилась: ему необязательно было знать, что сначала я пыталась устроиться в сэндвичную возле Северного вокзала, а потом Женестьева предложила пойти в «Бино». Все-таки скромное кафе в стиле пятидесятых куда лучше места, где котлету с волосами выдают за первоклассный продукт. Джейкоб промолчал, думая, видимо, о том же. Я вздохнула. Оставалось еще кое-что, самая неприятная часть разговора.

– Я была в больнице, – медленно начала я, уставившись на собственные ногти. – Анализы пришли. Я никогда не смогу иметь детей.

Школьники радостно завопили, найдя в зарослях болотной травы какую-то лягушку. Под подошвами их кроссовок поскрипывал песок. Я не поднимала глаз, делая вид, что меня очень заинтересовал облупившийся лак. Джейкоб прочистил горло.

– То есть дядей я не стану? – с напускным спокойствием произнес он.

Я пожала плечами и скорчила мину в духе «не очень-то хотелось». Ожили воспоминания о темной квартире, бутылке портвейна и жмущих из-за неудобного положения тела кроссовок, которые я так и не сняла, войдя домой после больницы. Горечь слез и огромную боль невозможно было запить алкоголем – не в этот раз. И тут Джейк сделал то, чего не делал ни разу за двадцать три года: он меня обнял. Неуклюже, за плечи, но это точно было объятие.

– Эй, – произнес он, – ты сильная. Я никогда не видел, чтобы ты плакала, но нельзя быть машиной, не знающей эмоций и боли. Плачь, если хочешь. Приди домой вечером, уткнись в подушку – и кричи. Сломай что-нибудь, чтобы завтра называть себя идиоткой, ведь это такие мелочи. Душа человека без слез становится пустыней.

– Спасибо тебе, Джейк, – пробормотала я. – Все эти годы я думала, что ты ненавидишь меня.

– Брат с сестрой не могут открыто любить друг друга, – заметил он, – это противоестественно.

– Па! Лив! – Холли махала нам с песчаной насыпи у пруду.

дика.

Утки звонко крякали и желтыми клювами щипали ее за ладонь, а она покатывалась со смеху. В черных бусинках их глаз не было ничего, кроме требования какого-нибудь лакомства.

– Тяжело быть твоим братом, – тихо сказал Джейк, улыбаясь дочери, – с Шерил проблемы. Бесится, что я вожу Холли к тебе, хоть и виду не подает. Но я-то понимаю. Ты распутная, вульгарная и бесшабашная, абсолютно безответственная и безголовая, но ты – лучшая тетя, какая могла бы быть у Холли.

Высокий хвост Холли скакал из стороны в сторону, как маятник. Утки били крыльями по воде, а волны казались зелеными из-за нависших над ними крон. Сентябрь только-только начался, дорогие люди рядом. Я могу любить Холли. И Джейкоба. Я вовсе не одинока, как привыкла думать, ведь мое сердце открыто каждому, кто согласен дотронуться до него.

И внезапно я почувствовала себя счастливой. Впервые за много лет.

* * *

– Она давно так не выговаривалась, – не без ревности заметил Джейк, доверительно склонившись ко мне.

Холли вздохнула и рассказывала все, что накопилось, потом

пополняла запас энергии, заправляясь пищей и колой, и снова начинала болтать. Ее оживленный голос птичьей трелью разносился в теплом загустившем воздухе; другие посетители кафе с улыбкой оглядывались на наш столик. Я старалась ничего не упустить, запоминая каждое ее слово: сильные впечатления, желания, ближайшие планы. Джейкоб время от времени одергивал Холли, чтобы та говорила потише. В воздухе разливалась духота...

И вдруг все изменилось. У меня не заныл живот, не разболелась голова, не зазвенело в ушах: я просто *почувствовала*, что за мной наблюдают с совсем не добрыми намерениями. Я встревоженно огляделась. Люди смеялись, улыбались, галдели. Незнакомые лица, обращенные друг к другу. Их было так много. В чувство меня привел громкий звон – стакан с колой упал на асфальт, сшибленный моим локтем, и разбился.

– О, извините! – Я вскочила, но прыткая официантка опередила меня со своим совком. – Включите этот стакан в счет, будьте так добры...

– Ты в порядке? – Вид у Джейкоба был встревоженный.

– Я...

Ощущение, что за мной следят, пропало. Я все еще оглядывала посетителей кафе и прохожих, но никто не тарачился на меня и не шептал страшных заклятий.

– Иногда ты ведешь себя как психопатка, – заметил Джейкоб.

Холли хихикнула. Я кисло улыбнулась, размышляя о своей вспышке паранойи. Очень часто после вечеринок и смен мне приходилось возвращаться затемно, но никогда не возникало такого жуткого чувства, словно рядом затаился зверь. Будто кто-то хочет съесть тебя и прикидывает, куда укусить в первую очередь.

Джейкоб был очень добр ко мне. Он оплатил такси и даже сделал вид, что не заметил, как я наступила на его блестящий ботинок. Послав сотню воздушных поцелуев Холли и одну широкую улыбку брату, я скрылась в автомобиле. Услышав адрес, таксист мрачно кивнул и тронулся с места, выбирая короткий и наименее загруженный путь.

Я вдруг почувствовала странное облегчение, оставшись в одиночестве (таксист воспринимался мной как часть машины). Как будто маска, которую я вынуждена была носить перед братом, наконец-то сползла с моего лица.

* * *

Первым делом шпильки, державшие прическу, вернулись в круглую баночку, и черная волна волос обрушилась на плечи. Потом каблуки с грохотом полетели в угол. Приглушенно ругаясь, я стянула с себя одежду и спрятала подальше в шкаф. Освобожденное от оков тело казалось заново родившимся. Я забралась с ногами на диван и устала в панорамное окно. Солнечный денек мазал золотом стекла и ме-

талл, политекстурную кожу городского зверя. В квартире было тихо, только завывал бойлер в кухне. Этот одинокий звук отчего-то казался тоскливым и страшным, поэтому я снова включила телевизор. Я боялась, что услышу что-нибудь еще... что-нибудь, что мне не понравится.

Политические теледебаты. Женщина со строгой прической, улыбаясь воистину по-американски, разглагольствовала о феминизме и свободе слова. Взаимоисключающие понятия, подумала я. Ее монотонный голос вгонял в дремоту.

– Я тебя нашел.

Шепот, похожий на порыв ветра, согнал сонное оцепенение. Я выключила телевизор и прислушалась, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Воцарилась неприятная тишина, такая глубокая, что было слышно, как в ушах шумит кровь. Стараясь двигаться беззвучно, я встала с дивана и, подойдя к полке, сняла с нее слоника из змеевика. Настороженно продолжая прислушиваться, я взвесила его в руках.

– Подойди, Оливия, – выдохнул кто-то.

Я сглотнула – во рту пересохло от страха. Полутемные коридоры собственной квартиры показались вдруг лабиринтом Минотавра. Дверь в спальню была приоткрыта, сквозь щель я видела желтую муторную мглу. Это солнце пыталось пробиться сквозь плотные шторы. Я перехватила статуэтку покрепче: ладони вспотели, и гладкая поверхность минерала ощущалась как кусок мыла.

Темнота в комнате стала осязаемой, плотной, липкой.

Что-то поднялось с пола и выпрямилось. Я заворуженно уставилась в красные светящиеся глаза: как будто кто-то сделал снимок, но запечатлел только их, а фигура утопала во мраке. Нечто подступило на шаг, я попятилась. Мы повторили это движение – оно вперед, я назад, – пока я не уперлась спиной в стену. Я бессильно сползла по ней на пол, глядя на чудовище, возвышающееся в дверном проеме.

Когтистая лапа рассекла воздух и разнесла дверной косяк. На волосы дождем посыпались щепки; я закричала – дико, безудержно – и рванулась вправо. Голову пронзила боль.

Попал, он в меня попал!

Перед глазами поплыло. Я распахнула их как можно шире. Надо мной поблескивала поверхность кофейного столика, почему-то нижняя. Значит, я уснула и упала с дивана. На краю стекла белела паутина трещин, обагрённая кровью. Застонав, я встала на четвереньки и отползла подальше от стола.

За окном небо уже темнело; над горизонтом догорала грязно-сиреневая полоса заката. То тут, то там в черноте вспыхивали окна: люди возвращались домой, готовили ужин, занимались любовью, целовали детей. Там свет истерично пульсирует то красным, то голубым – вероятно, отрывается молодежь. А вот тут свет мягкий, приглушенный, будто кто-то просто сидит и смотрит на городские звезды. Смотрит на меня. Да уж, лучший в мире выходной.

– Оливия, какая же ты глупая, – прошептала я, плача от

боли.

Рана на голове сильно кровоточила и пульсировала. Пытаясь заглушить неприятные ощущения, я прижала к ней пакет с замороженным горохом, вытасченный из морозилки. Боль чуть утихла, сосредоточившись в одном месте. Я подошла к окну, устало посмотрела вниз и замерла.

Кто-то стоял на тротуаре внизу, задрал голову. Стоял недвижно, словно статуя.

И у меня вдруг появилось тошнотворное ощущение, что смотрел этот кто-то именно на меня.

Глава 2

Уборка, как известно, лучший способ занять мысли; так всегда считала моя мама. Поэтому, подорвавшись с постели в несусветную рань из-за заикленного, невероятно страшного кошмара, я решила удариться в разгребание хлама, которым была забита вся моя квартира. В ажурную пластиковую корзину для белья полетели трусы, найденные в самых неожиданных местах, чулки, футболки, бюстгальтеры, пижамы и все-все-все. Находки я выгрузила в древнюю машинку: дисплея на этом чуде не было, как и «иллюминатора»; все просто неряшливо забрасывалось сверху и засыпалось порошком, а потом – полтора часа механической агонии.

Вопреки увещаниям домохозяйек и покойной матери в частности, уборка не помогла. Голова все еще гудела, как гонг, поэтому я решила воспользоваться планом Б, беспроигрышным в большинстве случаев. Держа в одной руке бутылку диетической колы, второй я схватила телефон и пролистала контакты до буквы «Ж». Вопреки ожиданиям, сработал автоответчик:

– Привет, вы дозвонились Женевьеве Фиоре, ну, типа, вы не дозвонились, конечно, но вы пытались. Короче, оставьте свое сообщение и бла-бла-бла. А теперь тут должно пикнуть...

Я нетерпеливо покрутила в руке бутылку с колой, стирая

конденсат. Раздраженно сбросив звонок, снова набрала.

– Привет, вы дозвонились... Алло?

Электронная Женестьева Фиоре сменилась настоящей, и я радостно улыбнулась:

– Привет!

– Приве-е-ет! – протянула Джи и засмеялась. – Давно ты мне не звонила!

– Были некоторые дела. – Я нервно помассировала донышком бутылки мягкий живот. – Но сейчас все отлично. Не хочешь сегодня вечером встретиться в «Давилке»?

– Даже не знаю, – с сомнением сказала Джи, – у меня тут...

– Что?

– *Мужчина!* – прошипела Джи, и обе мы залились смехом.

Я ударила бутылку горлышком об стол, и крышка отлетела в неизвестном направлении. Ой.

– Ты опять открываешь пиво о кофейный столик? – поинтересовалась Джи.

– Это была кола. Хватит с меня пива, иначе я буду рыхлая, как тесто. Какой он, Женестьева?

– Ну-у... – Я знала, что она улыбается. – Он очень красивый. И играет в какой-то гаражной группе...

– Ему шестнадцать?! – ужаснулась я.

– Двадцать один.

– Но ведь тебе двадцать семь!

– Ну и что?

Я усмеялась, посасывая горлышко бутылки. Джи в сво-

ем репертуаре: ищет принца на белом коне, а попадаютя од-ни пажи на осликах.

– А у тебя как дела?

– Нормально, – соврала я. Но подругу не обманешь: чуть дрогнул голос – считай, пропала.

– Точно? – тон Джи стал нарочито строгим.

– Все хорошо, правда! – Занервничав, я сделала большой глоток колы и закашлялась. – У меня были проблемы, но я справилась. И скучаю.

Грязный прием. После каждого «я скучаю» Женевьева сбивалась с мысли и уносилась в ностальгию. Сама она этого никогда не замечала.

– Я тоже! – расстроено воскликнула она. – Мы с тобой сто лет не отрывались вместе!

Я задумалась, припоминая последний раз. Довольно скучный поход? Да, он самый. Тогда Джи увлеклась неким бородатым хипстером из Лос-Анджелеса. Это было так романтично – разбить лагерь в лесу, неподалеку от дикого озера, – и только я видела всю абсурдность этой идеи. Хипстер оказался любителем выпить, но костер разжигать совершенно не умел, поэтому несколько дней мы питались начос и холодными консервами. По утрам у Джи горели глаза, а у ее мужчины – трубы.

Я подошла к окну и с замиранием сердца глянула вниз, на тротуар. Бурлящая цветастая толпа, клены за витыми оградками – и ничего подозрительного. Рассказать подруге о том,

что я видела вчера? Да ну, какой-то бред. Просто человек под окнами. Он даже в теории не мог смотреть на восьмой этаж и именно на меня. В телефоне послышались треск, шорох, тихий вздох. Я растянулась на полу, игнорируя мусор, до которого еще не добрался пылесос. И вряд ли когда-нибудь доберется.

– Солнышко, он вышел из душа, – прошептала Джи. – Давай я позвоню тебе вечером и уточню насчет «Давилки», хорошо?

Я кивнула. Как всегда, каким-то магическим способом Джи догадалась об этом.

– Вот и хорошо.

Так глупо. Вчера мне показалось, что кто-то следил за мной, но ведь нет никаких доказательств, так? На ум пришла фраза, прочитанная или услышанная по телевизору: *«Всегда прислушивайтесь к самому себе. Тело никогда вас не обманет»*. С другой стороны, я постоянно хочу есть, но, когда добираюсь до еды, аппетит исчезает. Может, и самый отлаженный механизм время от времени дает сбой?

В душе, стоя под горячими струями воды, я вспомнила вчерашний сон. Порез на голове саднил, и я, поморщившись, дотронулась до него. Больно. В детстве меня долгое время тревожило странное ощущение – неприятное посасывание под ложечкой, какое бывает, когда вагончик в парке аттракционов задерживается наверху, а потом несется в бездну. Вскоре произошло ужасное – мама умерла во время готов-

ки. Я уронила тарелку, и та разбилась на мелкие кусочки. В тот же миг мама рухнула, как марионетка, у которой подрезали веревочки. Врачи сказали, что все дело в аневризме – это такая маленькая бомбочка в мозгу. Совпадение или нет, но после похорон *чувство* перестало меня беспокоить. Мама разбилась вместе с той тарелкой.

В дурном расположении духа я вышла из душа, наскоро обсушила волосы полотенцем и тронула тушью ресницы. Яркий макияж никак не вяжется с розовым фартуком «Бино» – так выглядят заведомо стервозные официантки в фильмах. Обычно эти девицы плохо заканчивают. Напоследок состроив рожицу себе в зеркале, я вышла из квартиры и нажала на кнопку лифта.

На седьмом этаже двери звякнули и разъехались. В лифт зашла соседка снизу – милая старушка, иногда колотящая шваброй по потолку. Сейчас она была до ужаса похожа на мышь, если бы только мыши носили аляповатые платья и чудовищные пластиковые бусы. Я вымучила улыбку на ее вежливое приветствие и ушла в сторону.

– Дорогая, у тебя все вчера было хорошо? – внезапно спросила соседка, глядя на меня водянистыми глазками.

– М-м-м... Да. – Я бодро закивала, стараясь не смотреть в эти бледно-голубые пятнышки. – А что, что-то случилось?

– Просто я слышала вчера, как ты ходила по квартире туда-сюда, – старушка покачала головой. – Тяжелые шаги... у тебя бессонница? Я могу дать тебе кое-какие пилюли...

Я не слышала ее монолога о пользе снотворного. Сердце кольнул кусочек льда. Тяжелые шаги в квартире всю ночь... Ведь я спала до самого утра, несколько беспокойно, но все же. Лифт остановился на первом этаже, и старушка похлопала меня по плечу, поджав напомаженные тонкие губы.

– Береги себя, Оливия. Господь заботится о нас, но кто знает – быть может, и он иногда отворачивается к своим делам.

Я рассеянно кивнула, глядя, как она с достоинством и возрастной неуклюжестью спускается по последним ступенькам перед выходом на улицу. Мерзкий дребезжащий голос все еще прыгал в голове, как бусины отвратительного алого ожерелья на сморщенной шее старухи.

* * *

«Бино» был забит людьми. Источая смешанные запахи еды, он размеренно дышал масляными испарениями, опутывая ими, как липкой паутиной. В одной половине помещения расположилась тесная кухня, часть которой занимали большая фритюрница и пластиковый стол на стальных ножках, а в другой – кофейный уголок, где как раз работал Натан.

Я спрятала куртку в металлический шкафчик подальше от запаха картошки фри и сосисок, достала мятый розовый фартук и матерчатые тапочки, похожие на пуанты с прорезиненной подошвой. Навстречу семенила полноватая женщи-

на, из-за цвета униформы напоминающая гротескную свинью. Ее лицо лучилось радостью, но совсем не потому, что она увидела меня, – такая улыбка появляется только в конце тяжелой смены.

– Ждала? – усмехнулась я, завязывая фартук на спине. – Тяжкий денек, да?

– Лив, ты не представляешь. – Я увидела капельки пота на ее лбу и подумала о том, что не хотела бы принимать еду из рук пропотевшей официантки. – Приходил парень, который все время требовал только драники.

А я ему: «Мы драники не делаем». А он пустился материться на каком-то языке... я такого в жизни не слышала!

– Драники – картофельные котлеты, Клэр. – Я проверила чистые листы в блокноте и завязала волосы в хвост. – В следующий раз скажи, чтобы шел на кухню и готовил драники сам.

Клэр застегнула розовую курточку и охнула, защемяв кожу на подбородке.

– Еще там сидит один странный тип, который ничего не заказывает. Он торчит здесь с самого открытия, но никто не прогоняет его... Честно говоря, он какой-то *жуткий*.

– Не волнуйся, под моим руководством он закажет все, что есть в меню.

День выдался тяжелый: несколько дней рождения, на которые полагалось спеть для клиента традиционную песенку и преподнести на его столик бесплатный сэндвич. Сканда-

лили женщины, вопили дети. Хотя бы мужчины по большей части были молчаливыми: уставшие на работе, они коротко заказывали, быстро ели, незаметно уходили, оставляя щедрые чаевые и приятное впечатление. Во всей этой круговерти я, улучив свободную секунду, рыскала взглядом по залу в поисках того самого «сытого клиента».

– Девушка, вы меня слышите?

Какой противный голос. Людей с такими голосами просто необходимо казнить. Я повернулась к компании тощих девиц: все были одеты в дешевые подделки под известные бренды, но на столе красовались новенькие «Блэкберри», заработанные явно не потом и кровью. Самая костлявая из них смотрела на меня с нескрываемым раздражением и указывала пальцем себе в салат:

– Что это?

– «Цезарь». – Я пожала плечами и заглянула в блокнот, где значился заказ: два «Цезаря», один яблочный штрудель и четыре диет-колы.

Девушка возмущенно вытаращила глаза.

– А что я просила насчет своего салата?

– Вы ничего не просили, – отозвалась я, – у вас классический «Цезарь».

– Я просила, – медленно проговорила клиентка, словно объясняла задачу из высшей математики слабоумной, – чтобы мне принесли «Цезарь» без соуса. У меня на него аллергия!

– В таком случае, – широко улыбнувшись, ответила я, – следовало выражаться точнее.

Даже если бы я беспечно уселась задницей на детонатор и взорвала к чертям весь город, это не произвело бы эффекта, схожего с тем, что создала моя улыбка. Клиентка разбухла от злости, как губка от воды, и начала краснеть. Она вскочила, стискивая в руке тарелку с салатом, как держат диски метатели на Олимпийских играх.

– Ты, дешевая...

Я поняла, что контакт с содержимым тарелки неминуем, и поэтому только вжала голову в плечи, не пытаясь бороться с разъяренным монстром в платье. Но тут чья-то рука схватила девушку за запястье, а вторая осторожно вытащила из цепких пальцев блюдо и поставила его на стол.

– Дамы, думаю, вам стоит удалиться. Никому из нас не хочется вызывать полицию из-за общественных беспорядков.

– Пожалуйста! – Возмущенная особа откинула с лица тонкие темные волосы и кивнула подругам: – Идем. И чего только нас потащило в эту помойку...

– Спасибо, Натан. – Я улыбнулась спасителю и неловко вытерла вспотевшие ладони о фартук. – Я уж думала, придется поздороваться с «Цезарем».

– Не за что. – Он усмехнулся, помогая мне составить тарелки на поднос. – Терпеть не могу таких скандалисток.

Мягкий голос, ровный тон. Натан производил приятнейшее впечатление, и для меня оставалось загадкой, почему

его лицо до сих пор не красуется на обложках журналов по всему миру. Я вновь улыбнулась. Натан подмигнул, возвращаясь за стойку, где его терпеливо ожидала приятная на вид пожилая пара. Рассеянно уловив тихое «Два латте, пожалуйста», я взяла поднос и вновь огляделась. За крайним столиком сидел единственный ничего не заказавший клиент, прячущий лицо под капюшоном. Да, Клэр говорила явно о нем. Я задумчиво посмотрела на него и скрылась за качающимися дверьми кухни.

– Эй, Лив! – крикнул мне бородатый повар. – Видела того типа в зале?

– Да. – Я аккуратно сняла тарелки с подноса и наскоро обтерла его влажной тряпкой. – Пойду, растрясу этого жмота на пару сэндвичей. – Я вырвала листок с заказом девиц из блокнота и бросила в мусорное ведро.

Незнакомец так и сидел, скрестив руки на груди, скрыв лицо под капюшоном и сгорбившись, словно жутко замерз. Я неуверенно потопталась у дверей кухни и, вздохнув, направилась к таинственному посетителю, безмолвному и безжизненному.

– Добро пожаловать в «Бино»! – весело чирикнула я, замирая у заветного столика. – Чем могу вам помочь?

Фигура не шелохнулась, только слегка опустились плечи, а пальцы скрючились, собирая толстовку в складки.

– Блюдо дня – сэндвичи с красной рыбой, – продолжала я, не теряя энтузиазма, – ржаной хлеб, сливочное масло, ло-

сось, спаржа...

– У меня аллергия на рыбу, – раздался хриплый голос.

Голова медленно начала подниматься. У меня мелькнула мысль, что примерно так змея разворачивает кольца. Зловеще. *Опасно*. В тени капюшона белело узкое лицо парня лет двадцати пяти. Истощенный и усталый, он поджал губы, окруженные жесткой щетиной. Похож на наркомана. Боже, да он точно наркоман.

– Приятель, – я села за его столик и тронула неряшливо завязанные волосы, – у нас нельзя сидеть просто так. Нужно что-нибудь съесть.

– Я не хочу.

Я пристально посмотрела на него: карие глаза лихорадочно блестят, и он все время кутается в свою огромную толстовку. Болен, определенно. Интересно, это заразно?

– Зачем ты сидишь тут весь день? – прошептала я, ощущая, как по коже скребутся предательские мурашки.

– Здесь так много людей. – Он скосил свои жуткие глаза на галдящую компанию за соседним столиком. – Тут я чувствую себя не таким одиноким.

Я озадаченно склонила голову набок. Какой он странный. Псих. И смотрит так, будто я не молчу, а рассказываю свою биографию, которая, кстати, скучнее молчания. Его темные глаза цвета молочного шоколада затягивали, как две воронки.

– Лив! – вспотевшая Дорис слегка толкнула меня в плечо,

пробегая мимо. – За работу, лентяйка!

– Да... сейчас! – Я быстро кивнула ей и повернулась к незнакомцу.

Он выпрямился и посмотрел на меня в упор. Я подавалась назад: не хотелось нечаянно коснуться его. Вдобавок к неряшливой внешности от него неприятно пахло – сладковатый удушливый запах тянулся ко мне, словно щупальца. Я чувствовала это, несмотря на смрад фритюра, и терялась под пристальным взглядом. Да что с ним такое?

– Что ты делаешь сегодня вечером? – выпалил парень.

– Гуляю со своим женихом, – соврала я.

Невинная ложь. Для меня она прозвучала естественно, но карие глаза напротив сузились:

– У тебя нет жениха.

Я усмехнулась и собралась возразить, но, взглянув на злое бледное лицо этого странного типа, сникла. Напряжение между нами закручивалось в спираль. Мне отчаянно хотелось вскочить, убежать на кухню и не выходить оттуда до конца смены, но почему-то я не могла даже встать.

В глазах незнакомца вдруг что-то переменялось; он закрыл лицо ладонями.

– Нет, забудь. Это неправильно.

Он поднялся с места и покачнулся. Металлический стул упал со страшным грохотом. Видимо, шум привел странного посетителя в чувство. Он ринулся к выходу, съезжившись в своей толстовке. Бодро звякнул колокольчик, а я перевела

взгляд на опрокинутый стул. Невидимый кулак, стискивавший мое сердце, разжался.

* * *

– А потом она говорит: *«Ты что, я не такая!»*. А я ей: *«Эй, ты только что пришла в квартиру к девушке, разделась, мы целовались полчаса – и ты говоришь, что не лесбиянка?»*

Все взорвались хохотом; даже Натан, лениво протирая полированную поверхность стойки, улыбнулся. Я наклонилась за несуществующим мусором, чтобы спрятать серьезное лицо. Время подбиралось к одиннадцати: все мы всегда оставались после закрытия в десять – для уборки помещения, на которую днем совсем не было времени.

Зои прыгнула со стола и взъерошила короткую светлую шевелюру.

– Эй, Лив, – позвала она меня, – как тебе зомби, который торчал тут с самого утра? Ты его накормила?

– Нет. – Я снова наклонилась за фантомным мусором. – Он сказал, что приходит сюда, чтобы просто побыть в толпе. Кажется, у него не все в порядке с головой.

– Я слышал о таких, – с энтузиазмом проговорил юнец, недавно устроившийся в «Бино». – Еще они очень любят подсматривать за девчонками в душевых, да?

– Не заморачивайся, Лив, – отмахнулась Зои. – Обычный

тип, таких полно. Может, он контуженый.

– Не знаю, – пробормотала я.

Пока остальные шумно гадали, какими еще расстройствами страдает этот парень, я ускользнула в раздевалку. Дисплей телефона тускло осветил нутро шкафчика. Три пропущенных, одно голосовое сообщение. Джи просила перезвонить, потому что все-таки надумала потанцевать. После непростой смены мне тоже дико хотелось потрясти телесами в толпе потных незнакомцев.

– О, наконец-то! – Голос Джи был достаточно бодрым.

– На работе ад, – пожаловалась я, – мне необходимо отдохнуть. Просто отдохнуть, без притаскивания домой трофеев.

– Само собой. – Джи усмехнулась в трубку. – Ты все еще на работе?

– Ну да.

– Никуда не выходи. Я заеду за тобой.

Я подхватила вещички и, спрятав телефон в карман, вернулась к коллегам. Зал, залитый белым светом электрических ламп, казался вырезанным из бумаги, и уставшие работники уже заканчивали уборку.

– Чего это ты сияешь? – заметил Натан.

– Подруга скоро приедет, – я подошла к нему, засунув большие пальцы за ремень джинсов, – хочу потанцевать.

– Можно мне с вами? – Натан наклонился, улыбающимися глазами вглядываясь в мои, наверняка остекленевшие от

тяжелой работы.

– Ты же запросишься в гости, – пожала плечами я, – и мы переспим. А ведь мы уже спали, а ты знаешь, что...

Натан взял меня за руку и состроил щенячьи глазки. Наверняка это нравится многим девушкам, но только не мне. Мужчина не должен быть милым. Это неправильно.

– Нельзя?

– Нельзя! – Я мягко оттолкнула его. – Не дурачься.

– Эй, голубки! – Зои насмешливо помахала рукой. – Давайте-ка домой!

– Что ж, пока, – попрощалась я с Натаном.

– До скорой встречи, – его улыбка увяла.

Уходя, он шел даже быстрее, чем обычно. Я всматривалась в широкую спину, мысленно кусая локти. Нет. Отношения – это ответственность, самоотдача, внимание. Все равно что завести собаку. А ведь у меня в детстве животные умирали быстро.

Кафе опустело. Часы над входом пискнули, и я невольно поежилась, вспомнив байки, которые травили коллеги долгими вечерами. По словам Зои, кто-то здесь утонул во фритюрнице – поскользнулся и ухнул головой прямо в кипящее масло. Я не раз косилась в сторону агрегата, задаваясь вопросом, меняли ли после того случая масло или это слишком дорого. Была также история о девушке, которую маньяк задушил и засунул в большую мясорубку на складе. Неприятным совпадением оказалось то, что это жуткое приспособле-

ние для перемалывания туш не работало из-за осколков костей, повредивших лопасти. Девушка оставалась на ночную смену – тогда их еще не отменили.

Неоновая вывеска моргала от перепадов напряжения и заливала паркинг перед кафе зловещим красным светом. В помещении не было слышно, но я точно знала: она жужжит, как полчища мух. Я подалась вперед. На границе освещенного круга кто-то стоял. Во мгле застыла чуть подсвеченная красным фигура. Я отчетливо поняла: это не сон, не галлюцинация, не игра света и тени. Тень не двигалась, но поза была напряженной. Я облизнула губы, стирая кончиком языка солоно-горький пот. Ощущение западни охватывало тугими кольцами, парализовало мозг.

Темноту разрезал свет фар, и жуткая тень сгнула. Маленький «хендай» припарковался у черно-желтого полосатого бордюра, звонко засигналил. Все еще дрожа, я погасила свет в помещении, заперла на ключ стеклянные двери и активировала сигнализацию.

– Эй! – Джи тепло приветствовала меня, когда я села в машину и пристегнулась. – Ты в порядке?

Одевалась она всегда стильно и красиво, все в ней было идеально – от умопомрачительного черного платья из простенького трикотажа до завитых угольно-черных волос. На мгновение я почувствовала себя гадким утенком в старой футболке и джинсах, да еще и без макияжа. Видимо, Джи подумала о том же, потому что цокнула языком и, выезжая

с парковки, бросила:

– В бардачке – моя косметичка.

Когда мы подъехали, я уже успела привести себя в порядок с помощью серебристых теней и сотни слоев черного карандаша для глаз. Джи критически оглядела меня и протянула блеск:

– Умница. Слушай, с тобой точно все в порядке?

– О чем ты? – Я пристально посмотрела в ее голубые глаза, казавшиеся прозрачными в неоновых всполохах света от вывески клуба. Зеленый. Бирюзовый. Желтый.

– Ты выглядишь так, будто увидела привидение.

– Со мной все в порядке. – Я поцеловала ее в щеку, смазав блеск. – Правда.

«Давилка», как всегда, казалась большим пульсирующим сердцем. Клуб был оформлен в лучших традициях фильмов ужасов: с темного потолка свисали толстые цепи с крючьями и без, зловеще подсвеченные прожекторами разных цветов; художественно выщербленные стены жутковато пестрели алыми подтеками и надписями вроде «Помогите!». В общем, «Давилка» была потрясающим местом.

– Водки, – сказала я, запрыгнув на высокий барный стул.

– Безалкогольный мохито, – произнесла Джи.

Бармен совершил ряд загадочных пассов, и перед нами как по волшебству появился наш заказ. Я зачарованно смотрела на холодную водку, плескавшуюся в запотевшей стопке. Зелье забвения. То, что нужно. Одним глотком я осушила

стопку, и бармен вновь наполнил ее. Джи с любопытством смерила меня взглядом, потягивая через соломинку свой мохито.

– Все-таки с тобой что-то не так, – изрекла она, – только я понять не могу что.

Я прижала палец к губам и покачала головой, пряча горькую ухмылку:

– Хватит о проблемах.

Покинув высокий стул, я двинулась в самую гущу веселья. Толпа танцевала энергично, в едином ритме, похожая на волну, бьющуюся о стены клуба... а я хотела утонуть в ней. Ворвавшись в людской поток, пахнувший потом, сигаретами, жвачкой и духами, я отдалась музыке. Завтра будет больно, потому что тело остынет, проступят черные синяки от чужих тычков. Но сейчас даже они оставляли приятное саднящее ощущение, доступное лишь живым. Только живые знают о боли. И именно это мне было нужно сейчас – в последнее время я пребывала в непрерывном анабиозе. Мало-помалу люди вокруг выбили все занозы из моей души, а алкоголь сыграл роль анестезии.

Каким-то мистическим образом в толпе материализовался Натан. Он улыбнулся, прижал палец к губам. Глаза маслянисто блестели от алкоголя. Я молча смотрела на него в упор. Мир вокруг продолжал бесноваться и пульсировать силой, но мы были отдельно от него.

Взглядом я хотела сказать, что мне больно чувствовать се-

бя пустой и бесполезной, страшно жить вот так и одновременно страшно что-то изменить. Как объяснить мужчине, по каким законам живет женщина, какими путями ищет свое место в мире, какими мыслями бывает ведома? Разве он поймет, что я до смерти желаю любить и быть любимой, но боюсь, что однажды ничего не смогу дать в ответ, кроме призрачного чувства?

Он не понял.

Улыбаясь, Натан взъерошил мне волосы и снова исчез в толпе. Я проводила его взглядом и увидела, как он нежно обнял миниатюрную блондинку в синем платье. Они так смотрели друг на друга, так трепетно дотрагивались и целовались, что я сразу поняла, что к чему. Я не любила Натана, но отчего-то пустота внутри стала еще чудовищней. Сердце пропустило удар. Я резко расхотела танцевать. Люди вокруг стали просто пьяным похотливым стадом, романтическое видение волны растворилось. Я двинулась к барной стойке, пошатываясь, раздвигая и расталкивая потные тела.

Джи весело болтала с барменом, у которого выдалась свободная минутка. Я знала, что он гей, поэтому даже не смотрела в его сторону, но подруга явно огорчалась тому факту, что Руперт не находил ее привлекательной.

– Лив, – Джи нежно сжала мою руку, – мы вот с Рупертом разговариваем об этом баре. Мне всегда нравился дизайн, а тебе?

– Да. – Я указала на стопку, и Руперт послушно наполнил

ее.

Рядом появилось блюдо с дольками лайма. Я покачала головой, но бармен улыбнулся:

– За счет заведения.

Джи напряженно посмотрела на меня. Трезвый взгляд голубых глаз был так строг, что я невольно покраснела. Опять осуждает за выпивку.

– Поговори со мной, – тихо попросила она, когда бармен отошел от нас. – Я вижу, тебя что-то гложет. Поделись, легче будет!

– С чего бы начать... – протянула я. – Хм. Наверное, с того, что я никогда не смогу родить.

Джи подавилась остатками мохито и шумно закашлялась, прижав ладонь к губам.

– Я хотела оставить это в тайне, – горько произнесла я, глядя, как она судорожно стирает подтеки коктейля на подбородке и груди.

Женевьева посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. Я чувствовала себя на грани, поэтому просто опустила взгляд в стопку, на которой играли расплывчатые вспышки света.

– Кому я нужна? – голос надломился, и девица через два табурета от нас мутно уставилась на меня. – Я просто скорлупа, шелуха...

– Какая ты глупая! Ведь можно стать прекрасной приемной матерью какому-нибудь одинокому малышу. Ты не задумывайся!

мывалась о таком варианте?

Я пьяно заплакала, размазывая косметику по лицу.

Джи хлопнула меня по рукам и протянула влажную салфетку – упаковка предусмотрительно стояла на барной стойке. Я взглянула в добрые голубые глаза, полные тревоги и любви, и шмыгнула носом. Джи грустно улыбнулась, протянула мне еще одну салфетку и жестом подозвала Руперта.

– Воды, пожалуйста.

Одним выстраданным глотком выпив воду, любезно предложенную Рупертом, я сделала то, чего не делала очень давно, – начала мечтать. Я представила, как я жарю яичницу, а сзади сонно клюет носом мой сын, Чарли. Я отвожу его в школу. После мы идем в пиццерию с Джейкобом и Холли, и она захлеб обсуждает с Чарли последнюю серию молодежного сериала. Хеллоуин. Мы вместе выбираем костюм, и Чарли заявляет, что хочет быть пиратом. Рождество. Он открывает коробку и бурно радуется машинке на дистанционном управлении. Он взрослеет, впервые бреется, стесняется подростковых прыщей, приводит в дом девушку, которую, мучительно краснея, представляет мне. Мы разговариваем, едим мой пирог... и кому какое дело, что я не умею готовить? Научиться никогда не поздно!

Грезы отнесли меня за потолок с его цепями, под самые облака и даже выше. Откуда-то противно пахло – наверное, бутафорской кровью...

– Привет.

Я обернулась. Незнакомец из кафе сидел совсем рядом и смотрел на меня, сдвинув брови. Он избавился от своей уродливой толстовки и выглядел более ухоженно. Мне снова захотелось отодвинуться, но барный стул был слишком массивным.

– Ты что, следишь за мной? – в смятении спросила я.

Джи с любопытством взглянула на незнакомца. Ей было невдомек, что внутри у меня все дрожало от непонятного волнения; наверняка она подумала, что это очередной мой поклонник.

– Я захожу сюда иногда. – Он проводил взглядом парочку пестро одетых девиц. – Мне нравится здешняя атмосфера.

– Атмосфера... – повторила я, глядя на его ладони. Какие удивительно длинные пальцы.

Этот парень мне не нравился: он странно выглядел, странно пах, странно вел себя. Вдобавок ко всему, *чувство* вновь подняло свою уродливую голову и забило тревогу. В его глазах клубилась тьма. Я встала, чтобы уйти, но напоследок бросила еще один взгляд на незнакомца. Вспышка света скользнула по его предплечью. Там пестрели кровоподтеки разных цветов – от бордового с фиолетовыми вкраплениями до грязно-желтого. Алкогольная пелена рассеялась как дым. Меня затошнило.

– Пойдем отсюда, – попросила я Джи.

Она с готовностью подхватила сумочку и взяла меня за локоть, чтобы помочь идти сквозь толпу. Даже не оборачи-

ваясь, я чувствовала на себе пристальный взгляд незнакомца.

Глава 3

– А потом я видела тигра! – Холли пересказывала мне по телефону впечатления от первого похода в зоопарк.

Шквал детского восторга меня буквально контузил. Я медленно поглощала тесто для печенья прямо из упаковки, сидя в кресле у окна и щекой прижимая телефон к плечу. Кажется, разговор длился добрых два часа – об этом весьма красноречиво говорила затекшая шея.

– А еще там был клоун, – Холли понизила голос, – похожий на Бозо. Но я не испугалась. Честно.

Я серьезно кивнула. Недавно Холли проходила курс психотерапии – избавлялась от коулрофобии. Боязнь клоунов настолько терроризировала ее, что Холли каждый раз впадала в неконтролируемую панику при виде размалеванных рож и красных носов.

– Когда ты приедешь? – поинтересовалась Холли. – Я соскучилась.

– О, солнышко, – я уставилась в окно, – даже не знаю...

– Почему бы не сегодня? – Холли приободрилась. – Давай приезжай!

– А родители согласны?

Холли замаялась, но лишь на секунду:

– Конечно!.. Ну ладно, мама не обрадуется, но ты же моя тетья, ты должна приезжать почаще!

О, Холли, подумала я. Если Оливия Йеллоувуд будет приезжать чаще, то Шерил Йеллоувуд придется поджечь свой дом.

– Хорошо, – произнесла я. – Ждите меня к трем, о'кей?

– Я люблю тебя, Лив.

– И я тебя, малышка.

В конце концов, я могу не брать ребенка из приюта, а отдавать свою материнскую любовь Холли. Шерил всегда не до нее. Я наскоро высушила волосы, бросила в машинку испачканную футболку и отыскала чистое белье. Стоя в черном комплекте перед зеркалом, я сосредоточенно подвела брови и накрашила ресницы, тронула губы вишневой помадой.

За спиной тихо скрипнула дверь.

Я вздрогнула и уставилась в сторону спальни. На секунду мне показалось, что там что-то мелькнуло, и внутри все похолодело.

– Эй?.. – Я неуверенно переступила с ноги на ногу.

Тишина в ответ. Это переходит все границы – скоро я буду бояться выходить из собственной комнаты. Затравленно оглянувшись, я пересекла комнату и закрыла дверь. Просто сквозняк. Во всех квартирах и домах время от времени что-нибудь да скрипнет – это нормально, не нужно придумывать мистические причины. Но отчего-то мне вдруг расхотелось разгуливать по комнате в нижнем белье.

В лифте вместе со мной вновь оказалась пожилая соседка. Мы вежливо улыбнулись друг другу и уставились в разные

стороны. *Если она опять скажет что-то жуткое, я закричу. И, наверное, ударю ее.*

Но старушка ехала молча. Когда лифт остановился на первом этаже, она медленно вышла из него, придерживая большую хозяйственную сумку в цветочек. Я поправила волосы дрожащими руками и поскорее выскочила из подъезда на яркий солнечный свет.

* * *

Хрупкие клены за коваными оградками уже начали краснеть, отчего вся аллея казалась освещенной закатом. Люди прогуливались, выходили из кофейни с большими стаканами в руках, сидели на скамейках, весело беседуя или просто задумчиво созерцая осеннюю улицу. Проходя мимо торгового центра, я остановилась.

С витрины на меня смотрел целый отряд игрушечных зверей: вытянутые тощие зайцы, пушистые медведи с разноцветными бантами, антропоморфные лисицы, длиннорукие ленивцы. Словно лунатик, я зашла в магазин и замерла рядом с забитыми стеллажами.

Тут было полно девочек, тискающих плюшевых, тканевых и шерстяных зверей, и мамочек, задумчиво взвешивающих на руках медведей. Я взглянула на стенд с игрушками из шерсти и... влюбилась. С полки на меня смотрели огромные изумрудные глаза рыжего котенка, стоявшего на задних ла-

пах. На голове у него красовалась меховая шапка с ушками, а взгляд казался робким и печальным одновременно.

– Его зовут Тин, – чирикнула взявшаяся из ниоткуда консультантка. – Натуральная овечья шерсть, стеклянные глазки ручной работы, ручки и ножки на шпльнтовом креплении – могут двигаться туда-сюда. Шапочка снимается...

Я протянула руку, и пальцы погрузились в нежный пушок на теле котенка. «*Купи меня*», – шептало подлое животное. Конечно, я не смогла устоять.

Выйдя из торгового центра счастливой и обедневшей на пятьдесят долларов, я купила фраппучино и уверенно направилась к остановке. Автобус подошел достаточно быстро – расположившись на мягком сиденьи, я рассматривала проплывающие за окном улицы. Бизнес-центр Пайнберри потихоньку сменялся аккуратными трехэтажными домиками, я попивала холодный кофе и косилась на картонную коробку, обвязанную небесно-голубой атласной лентой.

На Элм-Вуд-стрит я вышла и поискала глазами дом своего брата. Тридцать седьмой. Да, это точно он. Я пихнула стакан из-под кофе в живую изгородь и взбила волосы. Звонок богатой трелью всколыхнул тишину. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем дверь открылась. С порога на меня смотрела Шерил. Ее розовые губы дрогнули.

– Оливия! Очень... *неожиданно* видеть тебя на пороге моего дома.

– Люблю сюрпризы, – усмехнулась я, глядя в ее льдистые

глаза.

Длинные, пшеничного цвета волосы, изящные руки, белая кожа. Шерил могла бы быть моделью, но отчего-то не спешила рассылать в агентства свои портфолио и писать кипятком по этому поводу. Что ж, внешность обманчива: человек она дерьмовый.

– Жаль, что я их не люблю, – протянула Шерил, скрестив руки и глядя на меня долгим пронзительным взглядом. Я вызывающе вздернула подбородок, обдумывая, как бы обойти этого слишком красивого дракона и попасть к маленькой принцессе.

В коридоре за Шерил появилась Холли. Радостно всплеснув руками, она запрыгала на месте. Я победно улыбнулась и протиснулась мимо хозяйки дома, постаравшись по сильнее толкнуть ее. Бесплезно: прекрасный манекен из плоти даже не шелохнулся.

– Держи, это тебе. – Я чмокнула ее в макушку и сунула в ручки коробку с голубым бантом. – Давай откроем ее за чашкой чая?

Холли наморщила лоб и слегка потрясла подарок:

– Что это?

– Секрет.

Кухню Шерил содержала в идеальной чистоте. Каждое пятнышко она с маниакальной тщательностью вытирала до блеска, тогда как у меня около раковины лежал пакет из-под чипсов недельной давности, а мусорное ведро ломилось

от винных бутылок. Я оглядела шкафы из темного дерева, длинную столешницу, стикеры на черном холодильнике. Здесь ничего не меняется.

– Садись! – Холли поставила чайник на плиту и уселась напротив меня, подперев щеки кулачками. – Как у тебя дела?

– Все хорошо, – соврала я. – А у вас, мисс Йеллоувуд?

– Отлично!

Шерил, плавно вошедшая на кухню, подарила мне долгий тяжелый взгляд, а я, улыбнувшись про себя, взяла конфету из большой вазы в форме лебедя. Фу. Финики в шоколаде. Чайник вскипел. Холли плеснула кипятком в две чашки (Шерил предпочла просто холодную воду), бросила в каждую по три розовых бутончика и чайные листья.

– Держи. – Она поставила чай передо мной, пододвинула бисквиты и шоколадные чипсы.

Я зачерпнула горсть, забросила их в рот и запила горячим чаем. Шоколадные пластинки растаяли на языке.

– Где ты теперь работаешь, Оливия? – поинтересовалась Шерил, цедя воду из стакана сквозь зубы. В ее глазах дрожала невнятная насмешка.

– «Бино». Я официантка.

– О, тебе очень подходит это место, – заверила меня Шерил. С ее губ сорвался издевательский смешок.

Я мрачно проследила за тем, как тонкие пальцы осторожно берут из целлофановой упаковки хлебец. Шерил Йеллоувуд не отличалась тактом, несмотря на свое изящество и

аристократические манеры, и потому частенько могла сказать что-то колкое. Но сейчас она явно намеревалась укунить меня побольней.

– Лив, ты говорила, что мне можно открыть коробку за чаем! – Холли вырвала меня из мрачных мыслей, и я кивнула, отведя взгляд от бледных рук Шерил.

Племяшка поставила на стол подарок и осторожно потянула за ленту. Когда крышка коробки поднялась, глаза Холли округлились при виде игрушки.

– О-о-о... – Она взяла на руки кота, осторожно потрогала его шапчонку. – О!

– Его зовут Тин, – сказала я, глядя, как Шерил сосредоточенно глотнула воду. Наверное, это сложно делать с поджатыми губами. – Нравится?

– У меня никогда не было игрушки лучше! – Холли прижала его к груди. – Спасибо!

– Тин абсолютно уникальный, второго такого нет на свете. Совсем как ты.

– Ма, смотри!

– Мило. – Шерил тронула лапку игрушки. – И во сколько он тебе обошелся?

– Подарки родным бесценны, – резко отозвалась я.

– Ты не подумай. – Шерил захихикала. – Я не осуждаю тебя за дороговизну подарка. Я всего лишь беспокоюсь о твоём бюджете. Ты, наверное, все вырученные деньги потратила на это животное? Ведь официантки получают так мало...

Я вскочила из-за стола, упершись в него ладонями. Теперь Шерил смотрела на меня снизу вверх, держа стакан с водой. Меня раздражали ее ровные стрелки, мелодичный голос, прямые блестящие волосы, оттопыренный мизинец, словно она на королевском чаепитии. Вмазать по морде этой змее, пожалуй, было самым желанным с тех пор, как Джейкоб представил ее как свою невесту.

– Холли, пойди поиграй, – произнесла я.

Девочка испуганно скосила глаза на мать, обняла игрушку и умчалась к себе в комнату. Я подождала, пока звук ее шагов по лестнице не стихнет, а потом вновь уставилась на Шерил.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что у официанток нищенская зарплата. – Шерил склонила голову набок, и ее волосы заструились с плеча на спину, словно золотой песок. – Обычно девочки в фартуках даже берут дополнительную работу...

– Какую еще «дополнительную работу»? – съязвила я.

– Ну, знаешь... – Шерил отпила воды, пряча улыбку.

– Я не... – Я задохнулась от этой наглости.

Откуда знать этой ухоженной дряни, каково весь день носиться туда-сюда, таскать тяжелые подносы, выслушивать пафосные заказы клиентов, которые ведут себя так, словно пришли не в дешевую забегаловку, а во французский ресторан? Каково пахнуть маслом и луком так сильно, что не спасают ни два принятия душа, ни литры лосьона для тела? Ка-

ково плакать от унижения в подсобке лишь потому, что какие-то шестнадцатилетние сопляки намекнули тебе на оказание *этих самых* услуг?

Глаза застилала красная пелена. В голове щелкнул переключатель: не успев даже подумать, я замахнулась. Рука со звоном врезалась в щеку Шерил, в ладони вспыхнул обжигающий фейерверк. Она изумленно прижала пальцы к лицу. На кухне повисла тишина, краем уха я услышала щелчок замка входной двери.

– Умница, – тихо усмехнулась Шерил, а потом вдруг взвизгнула так, что зазвенели оконные стекла: – Ты больная шлюха!

В холодных, как голубые топазы, глазах заблестели слезы, но губы все еще смеялись. Я поняла, что спектакль рассчитан на Джейкоба, и в голове опять вспыхнуло. Рука взметнулась, чтобы ударить еще раз, но ее остановил дрожащий от злости голос:

– Что тут происходит?

Мы обе обернулись. Растерянный Джейкоб стоял в дверях кухни, держа кожаный дипломат, подаренный мной на его день рождения. Галстук был развязан – знак официального окончания рабочего дня. Глаза Джейка скользнули по моей взъерошенной голове, по бусинкам слез на ресницах жены, по алому следу на ее щеке – отпечаток пятерни уже начал наливаться кровью и выглядел как клеймо.

– Оливия, на пару слов, – сухо сказал он.

Я покорно поплелась за ним, бросив последний взгляд на Шерил. Та с издевкой помахала мне кончиками пальцев и послала воздушный поцелуй. Мы вышли в прохладный холл, и Джейкоб обернулся ко мне. Карие глаза полыхнули гневом:

– Сначала ты устраиваешь на дне рождения моей дочери черт-те что, теперь вот бьешь мою жену в нашем доме...

– Джейк, она назвала меня шлюхой! – воскликнула я, чувствуя, как теперь на моих глазах закипают неподдельные слезы от обиды. – Она сказала...

– Лив, – Джейк поднял руки, явно не желая ничего слышать. – Я долго терпел тебя. Убирайся. Достало. Ты достала.

Я попятилась, качая головой. Не вовремя ожили воспоминания: как я учила Джейка делать кораблики из бересты, как таскала на руках, пока он не стал слишком тяжелым. Мы играли в прятки и строили шалаш на дереве. Когда Джейку стукнуло восемнадцать, он впервые влюбился в девочку и пришел рассказать об этом мне. Он влюбился в ту, что заложила динамит под самый крепкий в мире мост – мост между мной и братом, и с каждым годом этого динамита становилось больше. Сегодня взрыв грянул – теперь между нами зияла непреодолимая пропасть.

Я облизала пересохшие губы и взглянула на лестницу. Между прутьями перил белело испуганное личико Холли.

Женевьева Фиоре терпеливо выслушала все-все-все, подавая салфетку за салфеткой, пока я плакала, уткнувшись в подушку. На полу скопилась приличная куча грязных бумажек. Джи отпихнула их ногой под кофейный столик.

– Ну и гадина эта Шерил, – произнесла она. – Если хочешь, я могу нанять бродяг, они нагадят ей в машину.

– Я не могу просить тебя об этом, – всхлипнула я, убирая подальше подушку и вытирая ладонью щеки. – К тому же это не ее личная машина.

– Беда, – вздохнула Джи. Она погладила меня по голове, заботливо заглянула в опухшее лицо. – Я сейчас дам тебе пижаму, тапки, резинку для волос. Ты сделаешь самую тупую и уродливую прическу на свете, мы сядем у телевизора и будем лопать все, что у меня есть в холодильнике.

Не успела я снова всхлипнуть, как на моих коленях оказались широкие тренировочные штаны и вытянутая толстовка, у ног – тапки с пальцами, а на кухне Джи загрохотала посудой. Она заказала три пиццы, нарезала сэндвичей и вытащила из тайника две бутылки красного вина. Все это она суетливо заносила в комнату и размещала прямо на полу. Передо мной как по волшебству появлялись простые, но спасительные блюда: под крышками коробок прели пиццы и подарочная фокачча с вялеными помидорами, на тарелках громоз-

дились пирамидки из сэндвичей, а в вазе коварно подмигивали обертками Wagon wheels и Oreo. Джи плюхнулась на пол рядом со мной; на ней красовались огромная футболка, которую она заказала на «Ибее», мягкие легинсы и домашние угги; на голове возвышалась шишка из волос. Я завязала хвост не до конца, создав унылое подобие пучка, и, благодарно вытянув ноги, вздохнула.

– Ну что, Оливия Джейн Йеллоувуд, – Джи торжественно откупорила вино и разлила его по разнокалиберным стаканам. – Мы знаем друг друга уже двадцать лет, и у нас были и ссоры, и примирения. Я люблю тебя, Йеллоувуд. И если что-нибудь случится – ты всегда можешь прибежать вот так ко мне, а я достану бутылку, еду, и мы посмотрим какой-нибудь тупой фильм.

– О, Фиоре. – Я отпила вина и смущенно ковырнула пятнышко на штанах. – Ты же знаешь, я тоже тебя люблю. Спасибо, что ты со мной.

– Иначе и быть не может. – Джи схватила сэндвич и откусила сразу половину. – Болонья!

К восьми часам вечера мы лежали на полу, опьяневшие и сытые, перемазанные помидорами и соусом, облизывали пальцы и вспоминали ушедшие времена, пока по телевизору мелькали вампиры с томными лицами.

– Смотри на эту девчонку, – сонно произнесла Джи, жуя печенье. – Такое ощущение, что ей перерезали проводок, отвечающий за эмоции.

– О чем ты? – отозвалась я. – У нее его с рождения не было.

– О черт, точно. И кто только придумал таких вампиров? Они как будто сошли со страниц глянца. А помнишь, как было раньше? Вампиры все были уродливыми чудиками с длинными ушами. Но я все равно их боялась. А этого...

Я громко засмеялась и взяла последний кусок острой пиццы. Мне нравились современные книги о вампирах, в основном ориентированные на подростков: их было очень уютно читать, завернувшись в плед и держа в руках чашку какао с маршмеллоу.

– А что бы ты сделала, если бы встретила парня-вампира? – полюбопытствовала Джи, разливая последние капли вина.

– Огорчилась бы, наверное, – призналась я. – Представь себе, он живет уже, например, сотню лет. И я никогда не поверю, что он не влюблялся до меня, но каждой он наверняка говорил, что это навсегда. Этот фильм тупой. То, что надо. Джи, спасибо тебе большое. Мне так сложно в последнее время...

– Перестань. Я терпеть не могу слушать, как ты прибедняешься.

Джи постелила на диване, извинившись, что не может уложить меня спать на кровати. По ее словам, белье там не менялось уже целую вечность, и ей просто стыдно впускать в спальню гостей.

– Спокойной ночи, Лив. – Джи задержалась у выключателя. – Я рада, что ты пришла ко мне.

– Спасибо. – Я натянула плед до самого носа. – Я рада, что мне есть куда пойти.

Комната погрузилась во мрак. Я провалилась в сон и спала, наверное, добрых два часа, пока что-то не выдернуло меня из сладких сновидений. Перевернувшись на бок, я уставилась в темноту. Телевизор, книжный шкаф и кресла-мешки возвышались черными громадами, затаившимися чудовищами, готовыми напасть в любой момент. Я зажмурила глаза, совсем как в детстве, и под ложечкой вновь засосало. *Чувство* вернулось, тыча меня в плечо костлявым пальцем.

Тут, оно тут, чудовище съест тебя, проглотит одним махом!

Воздух стал вязким. Сев на диване, я убрала с лица влажные от пота волосы; плед с легким шорохом скользнул на пол. Кто-то был в комнате, но ведь это невозможно, так? У Джи на двери тысяча замков, включая цепочку, да и мы весь вечер никуда не выходили.

Я протянула руку и схватила тяжелый электронный будильник. Оружие из него так себе, но ударит больно. Сзади скрипнула дверь. Я обернулась и с замиранием сердца увидела высокую тень, мягко скользящую вдоль стены. Вот он, момент: замахнувшись, я броском, достойным профессионального бейсболиста, послала часы в полет. Однако вместо рычания чудовища раздались совершенно неожиданные звуки.

Под аккомпанемент дикого вопля и грохота вспыхнул свет.

– Джи?.. – Я замерла в нелепой позе, чуть подавшись вперед.

Она качнулась, прижимая руку к виску. Сквозь пальцы, блестя в темных волосах, струилась кровь.

– О господи! – Я подбежала к Джи, обхватила ее и усадила на пол. – Джи, пожалуйста, извини...

– Я пошла в туалет, – прошептала она, едва в состоянии говорить от дикой боли. – А свет включать не стала, чтоб тебя не будить... чертова маньячка.

Я обернулась, судорожно ища взглядом телефон. Джи прикрыла глаза; ее лицо становилось все бледнее и бледнее. Я вытащила одну за другой диванные подушки – телефон с грохотом свалился на пол.

– Вызову такси... – лихорадочно повторяла я, набирая номер. – Поедем в больницу. Все будет хорошо, Джи!

Вскоре, едва дыша от ужаса, я прислушалась к прохладному голосу в трубке телефона, предлагающему нажать единицу или двойку в зависимости от пожелания.

* * *

– Как это произошло?

– Я просто... испугалась.

Сидя в дурацкой пижаме, я рассказывала врачу о том, что случилось. В ночное время больница была похожа на пави-

льон для съемок фильма ужасов, особенно с этими жужжащими мигающими лампами дневного света в коридоре травматологии.

Врач хмуро заглянул в записи.

– Легкое сотрясение мозга. Чем вы ударили ее?

– Будильник. – Я подняла глаза. – Мне показалось, что в комнате был кто-то чужой.

– Хм. – Врач подозрительно глянул на меня. – Зайдите в кабинет, медсестра сделает укол успокоительного. И не беспокойтесь за подругу: сейчас ей промывают рану, а потом наложат швы.

Я понуро кивнула и поплелась в его кабинет. Темнокожая медсестра набрала препарат в шприц, пощелкала по нему указательным пальцем. Я сморщилась, когда игла проткнула кожу. Тысячи и тысячи молекул устремились по вене, мешаясь с кровью.

– Подействует в течение получаса. Пока ничего не ешьте. Желательно вообще лечь спать. – Медсестра открыла мусорное ведро и выбросила использованный шприц.

– Спасибо.

Вздыхнув, я встала и заглянула сквозь стекло в палату, где лежала моя подруга. Две девушки в форменных халатах осторожно промокали голову Джи ватными тампонами, пока две помоложе стояли позади, прижав кулачки к груди.

– Интерны, – фыркнула медсестра. – Их первое ночное дежурство. Когда-то и я стояла на их месте, но моя практика

выдалась жестче.

– Жестче? – почти бездумно переспросила я, все еще думая о Джи.

– В реанимацию привезли женщину, которая упала со стремянки, прочищая водосточный желоб от листьев. Она ударилась головой о край крыши зимнего сада и зацепилась запястьем за кованую ограду вокруг дома.

– Часами? Браслетом?

– Запястьем. Острая пика прошила его насквозь. Черт знает сколько она провисела там, но привезли ее едва живую, с трещиной в черепе и дырой в руке. Такие вот дела. – Медсестра сложила руки на груди, глядя на меня немигающими глазами, похожими на совиные. – Говорят, у медиков нет сердца. Но вот что я скажу тебе, милая: если бы врач впускал в себя все трагедии, все смерти на его руках, всю боль и слезы пациентов – он бы давно сошел с ума. Медицина любит людей с большими сердцами, но просит держать их закрытыми.

Я медленно кивнула и вышла из кабинета. Мало-помалу меня охватывали апатия и усталость – значит, лекарство начинало действовать. Темные коридоры казались заброшенными и полными призраков всех тех, кто когда-либо бывал здесь.

Спотыкаясь, я добрела до точки таксистов на больничной парковке, открыла дверь ближайшей машины и упала на мягкое сиденье. Водители, весело переговариваясь, стояли в

кругу света от фонаря, пили кофе из пластиковых стаканчиков и терзали зубами хот-доги.

– Эй, – услышала я одного из них, – Кев, кажется, кто-то забрался в твою тачку.

– Вот черт. – Пухлый мужчина вытер руки о толстовку и заглянул в салон. – Эй ты! Я тебе не мешаю?

– Мне надо домой, – тихо сказала я, едва продирая глаза. – Очень. Надо.

– Блин, – проворчал Кев. – Держи мой кофе, парень. Свою ее, клиент есть клиент.

Он залез на водительское сиденье и придирчиво оглядел меня. Вид что надо: потасканная пижама, тапки с пальцами, всклокоченные волосы. Наверное, выглядела я так, словно сама только что сбежала из больницы.

– Ну? – буркнул он.

Я протянула руку и разжала пальцы; на покрытую жиром ладонь упала десятка, которую я сунула в карман штанов перед тем, как выскочить из квартиры Джи.

– Пайн-стрит, мистер.

Водитель все так же пялился на меня, и я сердито мотнула головой:

– Что?

– Нет, ничего. – Мужчина хмыкнул и завел машину.

Желтый автомобильчик понес меня по улицам, а я, стараясь не уснуть, прильнула к окну. Высотки переливались, словно бриллианты, величественный Даймонд-касл светил-

ся как новогодняя елка. Удивительный город: и шумный, бурный, молодежный, и семейный, тихий, спокойный. От бурлящего центра до милого пригорода – все пропитано здешним колоритом, все дышит индивидуальностью.

Через десять минут такси остановилось возле моего дома.

– Спокойной ночи, – попрощалась я, неуклюже выползая с заднего сиденья.

Водитель недовольно промычал что-то в ответ, и машина, скрипнув колесами, умчалась. Я устало ввалилась в подъезд, вызвала лифт, борясь со сном. Рядом стояла юная парочка – раскрашенная в пух и прах девица в коже и пьяный парень в куртке с шипами.

– Классный прикид, – заметила девчонка, шумно жуя жвачку.

Парень глупо хохотнул, и я помассировала переносицу пальцами. Не везет мне: в такое время обычно мало кто торчит вне дома.

Чувствуя, как тело ломит от усталости, я вышла на своем этаже. Запасной ключ всегда лежит в щели над дверью – знаю об этом только я, увидеть тайник невооруженным глазом нельзя. Встав на цыпочки и проклиная нелепые тапки, я пошарила рукой вверх. Ключ глухо звякнул. Я отворила дверь и, позевывая, скинула грязную обувь.

Чтобы понять, что что-то не так, мне потребовалась секунда. По ногам потянуло сквозняком. Нахмурившись, я попыталась припомнить, оставляла ли окно открытым. Нет,

определенно не оставляла. Привычные силуэты мебели в темноте казались чужими. Я медленно, как во сне, потянулась к выключателю. А потом чуть быстрее – к телефону.

– Алло, полиция?

Глава 4

Скрестив руки на груди, я смотрела вдаль, на колючую линию горизонта. На небе забрезжил кроваво-красный рассвет, жуткий, как зияющая рана на чьем-то горле; часы пискнули, оповещая, что уже шесть утра. Сегодня снова идти на работу, а я все еще не спала: квартиру заполонили чужие люди. Они снимали отпечатки пальцев, фотографировали, осматривали, переворачивали мои вещи предельно осторожно, будто это были мертвые тела.

Женщина в форме подошла ко мне со спины и кашлянула. Я обернулась к ней и попыталась найти в землистом неровном лице признаки того, что они хоть что-то поняли и нашли.

– Мэм, ничего. Мы все проверили.

– Спасибо. – Я рассеянно потерла лоб.

Женщина сурово кивнула:

– Позвоните нам, если до конца дня что-то случится.

Я закрыла дверь за полицией и по стенке сползла на пол. Кровать выпотрошили, подушки сверкали внутренностями, а воздух был полон перьев. Диван, как выброшенный на сушу кит, лежал на боку. Экран телевизора рассекала огромная трещина: кто-то просто перевернул его, варварски разрушая квартиру. Я смотрела на свое растерзанное убежище, перебирала дрожащими пальцами осколки стекла от столи-

ка, плафонов и рамок с фотографиями, вытаскивала снимки и чувствовала, как внутри меня ширится пустота.

В полном бессилии я побрела на кухню и мрачно окинула взглядом дверцу холодильника, покрытую вмятинами. Внутри царил такой же ад, как и везде: молоко ритмично капало на пол, вторая полка надломилась и сложилась пополам, напоминая стеклянную галочку – галочку в моем чеке не на одну сотню долларов, когда придется покупать все заново. Холодильник, телевизор, матрас, кресло-мешок, из которого по-прежнему с меланхоличным шорохом валился наполнитель, и еще ворох вещей. Куча мелочей из «Икеи», накопленная годами, но уничтоженная вмиг. Как ни странно, ноутбук не пострадал. Удивительно, на нем не было ни царапины! Я осторожно присела на пол, предварительно проверив его на наличие осколков, взяла пиалу с хлопьями и щедро залила их апельсиновым соком. Под действием сахара я расслабилась и смогла трезво оценить ситуацию. В сбережениях мышь повесилась, небольшая зарплата не позволит купить все нужное. Да, когда-то я зарабатывала достаточно, но теперь я официантка.

Измученная мыслями о том, как жить дальше, я свернулась калачиком в кресле-мешке и очень скоро задремала.

* * *

Будильник сработал в двенадцать часов. Я поморщилась,

с трудом выпрямляя затекшие конечности. Впереди простиралась бесконечная черная полоса: с Джейкобом размолвка, да и Холли он постарается держать от меня подальше; Джи я чуть не убила этим пиликающим по утрам демоном; кто-то охотится на меня, и, несомненно, это он разворотил мою квартиру. Я мучительно выгнулась, чтобы размять спину, и пошла в ванную. Зеркало открывало печальную картину: волосы всклокоченные, под глазами чернота. Чтобы снять отек от бессонной ночи, пришлось приложить к лицу мокрое полотенце. Лив в отражении тарасилась на меня, сердито раздувая ноздри.

...По улицам стелился густой туман. Город превратился в глубокую пиалу, заполненную молоком, и лишь изредка, подняв взгляд, можно было увидеть во мгле серое неприветливое небо. Хоть один плюс в такой погоде: люди не смотрят на тебя, сосредоточенные на том, чтобы добраться до своего пункта назначения без происшествий. Спрятав руки в карманах и опустив голову, я шла на работу почти на ощупь, теряясь в призрачно-белом пространстве.

В «Бино» сегодня было удивительно пусто. По пути на кухню я окинула взглядом нескольких посетителей, флегматично жующих бургеры. Странно, обычно в это время довольнолюдно.

– Эй, Лив! – Зои бросила в меня фартук. – Опаздываешь. – У меня была очень сложная ночь, – пробормотала я, – очень-очень сложная ночь.

Зои озадаченно вздернула брови, но я только раздраженно мотнула головой. Отражение в зеркале красноречиво рассказало мне о том, что могли подумать окружающие: алкоголь, наркотики, ночная тусовка или, быть может, грубоватый кавалер. Повар Гарри радостно окликнул меня, но, увидев мою потемневшую физиономию, сделал вид, что просто закашлялся, и принялся нарезать салат. Я стиснула зубы, собирая волосы в хвост, и повязала фартук.

Свою историю в течение дня я рассказала по меньшей мере пять раз: сначала Натану, потом Клэр, затем остальным коллегам, осмелившимся спросить, почему я так чертовски плохо выгляжу. Все как один сочувственно кивали или хлопывали меня по плечу со словами:

– Не вешай нос, Лив. Все будет хорошо.

В очередной раз я услышала это от Натана, дружески потрепавшего меня по волосам. У меня в голове что-то щелкнуло. Обернувшись к нему, я вежливо улыбнулась:

– Она красивая.

Недоумение Натана стало наградой для меня. С мстительным удовольствием я наблюдала за тем, как в его глазах медленно проявляется понимание, которое он безуспешно пытается скрыть. Я одернула фартук, неотрывно глядя на него.

– Кто?

– Та блондинка из клуба. Вы классно смотрите.

– Эй, Лив, – он наконец-то сдался, – она... моя невеста.

– Невеста... какого черта? – Я горько усмехнулась. Эмо-

ции последних дней вдруг превратились в чистейший яд. – Ты прыгаешь ко мне в койку, изображая крутого парня, вьешься вокруг, как мартовский кот. А тем временем ты уже с – как ты сказал? – невестой. Какого черта, Натан?

– Послушай! – Он, словно защищаясь, приподнял ладони, но глаза блеснули. – Нам было классно, но неужели я обещал тебе золотые горы и кучу детей? Каждому мужчине нужно иногда почистить перышки, Лив.

– Чисти свой петушиный хвостик подальше от меня, – бросила я и хотела уйти. – Терпеть не могу таких, как ты.

– Каких же?! – Натан вдруг разозлился, вцепился в мою руку, силой развернул меня к себе. – Говори каких – свободных, смелых, легкомысленных?

– *Самоуверенных!* – выкрикнула я, оттолкнув его так, что он врезался спиной в кофейный уголок. – Обманщиков... самоуверенных обманщиков! Дома тебя ждет красивая девушка, уверенная в том, что ты любишь ее, но тебе – что? Правильно! Тебе абсолютно наплевать!

Посетители кафе перестали жевать, уставившись на покрасневшую от крика официантку и недовольного бариста, прижатого к стойке. Клэр слегка присвистнула и скрылась в кухне, пряча пунцовые от смущения щеки за пустым подносом.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Натан? – с тихой злостью произнесла я, опять разворачиваясь, чтобы уйти. – У тебя очень красивая голова... но думаешь ты членом.

Оставив его стоять столбом, я отправилась к столику, занятому пожилой парой. Дрожащие руки не слушались: пытаясь открыть блокнот, я порвала несколько страниц.

– Добро пожаловать в «Бино»! – буркнула я. – Чем я могу вам помочь? Сегодняшнее блюдо дня – сырные палочки. Мы обваливаем пармезан в муке и сухарях, потом обжариваем во фритюре...

– Можно ли нам другую официантку? – чопорно спросила женщина, перебегая взглядом с меня на Натана, свирепо протирающего чашки. Удивительно, как еще на фарфоре не появились дыры.

– Простите, нет. – Я изо всех сил старалась быть вежливой и боролась с желанием разбить ей голову деревянной подставкой под горячее.

– Гарри, пойдем отсюда. – Женщина с достоинством встала и направилась к выходу. Ее муж уныло засеменял следом.

Кровь бросилась мне в лицо. В повисшей тишине звякнул колокольчик – как будто опустилось лезвие гильотины. Я все еще смотрела на дверь, стараясь не замечать, как люди за столиками шепчутся и разглядывают меня.

Кто-то деликатно взял меня за локоть.

– Лив, давай выйдем.

Я посмотрела на Зою горящими сухими глазами. Она напоминала дрессировщика, вошедшего в клетку к дикому зверю. Натан глядел на нас исподлобья, оставив наконец несчастные чашки в покое. Бросив на него последний уни-

чтожающий взгляд, я почти почувствовала, как из ушей повалил густой пар.

Зои вывела меня через кухню на задний двор и достала из кармана фартука мятую квадратную пачку. Розовыми, как лепестки, губами она зажала серебристый фильтр, протягивая вторую сигарету мне:

– М-м?

Я не стала отказываться. Руки тряслись, никак не получалось даже справиться с зажигалкой. От раздражения и злости я вспотела так, что футболка прилипла к спине. Понаблюдав за моими потугами, Зоя отобрала зажигалку и, ладонью заслонив от ветра слабый огонек, помогла мне прикурить сигарету.

– Так... что у вас там с Натаном? – спросила она через несколько минут моего пыхтения.

– Ничего, – быстро ответила я, выплюнув горький дым, – абсолютно. Мы только...

– Спали, – закончила за меня Зои.

– Да, – я вздохнула.

Она замолчала. В ее глазах что-то клубилось и завихрялось – или это дым отражался в них? Я попыталась улыбнуться, но от сигареты меня тошнило. Зои затянулась так глубоко, что ее грудная клетка раздулась под поверхностью розовой ткани. Уже по одному ее вздоху я поняла: Зои меня не одобряет.

– Лив, я не знаю, зачем тебе все это нужно. Одноразо-

вые мужчинки, тупой флирт, дешевые ночи... Это только в фильмах выглядит круто; на самом деле все это отвратительно.

– Я так живу, – пожала плечами я, – и не знаю, как по-другому.

– Значит, так. – Она бросила окурок под ноги и раздавила его носком матерчатого тапка. – Сегодня ходим с тобой в одно место, я там часто бываю.

Я улыбнулась. От табачного дыма глаза слезились. Зои же, даже когда курила, выглядела как богиня-лесбиянка.

– Надеюсь, не в гей-бар?

– У нас в городе нет таких заведений, – усмехнулась она. – Не переживай, я не собираюсь накачивать тебя снотворным и насиловать в подворотне. Так что, после работы?

– После работы.

Я дождалась, пока она скрылась в кухне, и выбросила тлеющую сигарету в бак.

* * *

Место, в которое меня привела Зои Кинг, было довольно милым. Не «Давилка», конечно, но если бы я оценивала клубы по десятибалльной шкале, то присудила бы этому семерку. Огороженного танцпола здесь не было: просто площадка, на которой лениво тряслись посетители; некоторые стискивали в руках полупустые бокалы с алкоголем. Зои прове-

ла меня к пухлым пыльно-зеленым диванчикам и по-хозяйски подозвала девочку в переднике. Я с удовольствием оглядела темные своды клуба, и в глаз мне прилетела серебристая блеска – такие время от времени валялись с потолка, превращая танцующую толпу и пьющих гуляк в мерцающих фей.

– Я заказала нам по коктейлю «Пьяный Джек Фрост», если ты не против, – заявила Зои, падая на мягкое сиденье.

– Не против, что ты, – пробормотала я, ковыряя пальцем в слезящемся глазу.

Зои подтанцовывала, сидя на диване, и косилась на извивающуюся в углу зала девицу в блестящем топе. Девушка заметила ее и игриво помахала. Интересно, как они находят друг друга? Или бывают моменты, когда невозможно гетеросексуальной женщине устоять перед взглядом красивой лесбиянки?

На низком столике возникли два высоких бокала. Их края перемигивались крупинками сахара. Я проигнорировала эту сладкую дорожку для глотка и приложилась к голубой соломинке – в цвет коктейля.

– Я дам тебе один совет, – сказала Зои, склонившись ко мне. – Он не имеет половой принадлежности и очень важен.

– Ну?

– Не соблазняйся на красивую мордашку. Человек, который тебе нужен, будет красив в первую очередь изнутри.

Я вдруг отчетливо представила серые кишки, обсыпанные

целлофановыми звездочками. Чтобы прогнать наваждение, пришлось глотнуть еще коктейля. К верхней губе Зои прилип сахар.

– О'кей. – Я чувствовала себя неловко. – Спасибо, что сказала.

– И еще: будь осторожна.

Меня пробрал холод. Я опустила бокал и посмотрела на Зои, надеясь увидеть ее фирменную кривоватую улыбку, но та была предельно серьезна.

– Ты импульсивна, Оливия. Твои решения не имеют крепкой опоры, ты строишь карточные домики вместо устойчивых планов. И когда-нибудь эти домики полетят вниз.

Я попыталась улыбнуться, но Зои уже забрала у меня бокал и схватила за руки. В ее глазах плясали бесенята.

– Пойдем потанцуем!

В следующие три часа у меня не было повода жалеть, что я согласилась пойти с Зои. Она обожала двигаться и обаяла абсолютно всех в этом клубе, но хмелела до бесстыдства медленно. Когда я почувствовала, что ноги меня уже не держат, пришлось вернуться на мягкий диванчик. В волосах запуталось конфетти, но это была мелочь по сравнению с тем, какая черная тоска обрушилась на меня, стоило лишь остановиться на мгновение. Мой дом разрушен. В мою неприступную крепость кто-то ворвался, кто-то топтал и крушил мои вещи. Я запустила пальцы в волосы и прикрыла глаза. Зои что-то прокричала мне на ухо, но я не расслышала что.

– Пойдем! – повторила она и потянула меня с дивана. – Уже поздно.

Поздно? Я вспомнила о чернильной темноте улиц, о блестящем асфальте и ощутила дурноту, но Зою уже вытолкнула меня из сверкающего клуба в необитаемый холод города.

Если бы меня спросили, запомнила ли я этот поход домой, я бы ответила «нет», потому что путь складывался из обрывков моих мельтешащих шагов, крепко шаркающих по тротуару подошв и громкого смеха Зои, которая вскоре исчезла. Я успела увидеть, как она обняла кого-то за талию и увлекла вперед. Ослепительно сверкнул в свете случайного фонаря блестящий топ.

Эту деталь следовало удержать в памяти. Но именно о ней я вспомнила намного позже.

* * *

Сперва я подумала, что потеряла ключ от дома: в тайнике над входом руки наткнулись на неприятную пустоту. Я снова пошарила по выемке, но ничего не нашла.

Тогда, разъярившись от бессилия, я толкнула дверь. Она открылась – широко, призывая войти в темноту. Я недоуменно заглянула в свою квартиру, кажущуюся теперь чужой. На меня дохнуло холодом.

«Только бы там никого не было. Мне впервые так страшно входить в собственный дом».

Набравшись смелости, я шагнула вперед и нажала на ближайший выключатель. А потом подумала, что же было такого в «Пьяном Джеке Фросте», из-за чего у меня возникла такая галлюцинация.

Дома было чисто: никаких осколков, перьев, мусора. Ни отпечатков, ни следов. Кто-то вынес на помойку сломанный стол и разбитый телевизор – на полу стоял маленький пузатый «Сони», выходец из девяностых. К стене прислонили упакованный в целлофан матрас. Двигаясь как сомнамбула, я прошла на кухню: искореженный холодильник на месте, но рядом – второй, маленький, какие обычно ставят в отелях или загородных домиках. В горле пересохло от страха. В моем доме кто-то был. Опять.

Присев на эмалированную поверхность холодильника, я вытащила телефон и набрала номер Джи. Да, уже было очень поздно, но лучше так, чем умирать от страха всю ночь в одиночку.

– М-хм... алло?

– Извини, что разбудила, – неровным голосом сказала я, не отрывая взгляда от чернеющего в гостиной телевизора. – Как твоя голова?

– Ты позвонила только за этим в половине второго ночи? – пробурчала Джи. – Зашили и отправили домой. Все хорошо, впрочем, насколько может быть хорошо у человека, водящего дружбу с Оливией Йеллоувуд.

– Джи, кое-что случилось, – начала я, – это очень важно.

Ты понимаешь... Когда я вернулась от тебя, в моем доме кто-то был.

– Боже! Ты в порядке?!

– Нет, этот кто-то... ушел до моего прихода, но унес за собой полквартиры. Все разнес. Вдребезги.

– Ты звонила в полицию?

Я стиснула кулак. Конечно, но полиция не супергерои, они не станут искать кого-либо без существенных улик. В конце концов, я и сама могла разбить вещи в припадке. Кто знает...

– Да, но они ничего не нашли. Но дело вот в чем... Сейчас я вернулась домой. И понимаешь... кто-то прибрал за собой. Стоит древний телик вместо сломанного... и новый матрас... осколки убраны...

Джи молчала так долго, что я даже взглянула на дисплей – не прервалась ли связь. Когда она опять заговорила, я испугалась деловитости ее голоса:

– Ну... зная, как ты любишь приходить домой с мужчинами... Ты ни с кем не ссорилась?

Натан. Я качнула головой. Вот опять все сводилось к тому, что все проблемы – от моей слабости перед сильным полом. Джи часто аккуратно намекала на это, но теперь сказала напрямую. Едкий комок поднялся в горле и обжег так, что я не смогла сглотнуть.

– Вот так, да? Я шлюха и сама виновата?

– Лив. – Я представила, как она закатила глаза. – Ты же

понимаешь, что я...

– Пока, подруга.

Я нажала на сброс. Алкогольная завеса растворилась под жестким напором реальности: кто-то прицепился ко мне и был вхож в мою квартиру. А если кто-то вхож в твою квартиру, у тебя больше нет мест, где ты чувствовала бы себя в безопасности.

Глава 5

На следующий день в «Бино» царила напряженная атмосфера недосказанности. Коллеги странно смотрели на меня, словно боялись заговорить, и я чувствовала это кожей, но не могла понять причины. Повар Гарри как-то неопределенно и односложно отвечал на мои вопросы, но, когда я нажала на него, сдался:

– Зои пропала. А в последний раз ее видели с тобой... Вы вместе шли с работы.

– В клуб, – рассеянно ответила я. – Мы шли в клуб. А потом разошлись по домам... Там была девушка...

– Невозможно, – раздался резкий голос за спиной.

На кухню зашла Дорис, размалеванная так, словно кто-то врезал ей под оба глаза. Но, приглядевшись, я поняла, что это не столько косметика, сколько черные круги. Нижняя губа Дорис дрожала, но взгляд горел.

– Мы живем с ней вместе уже полгода, – заявила Дорис. – Невозможно, чтобы она с кем-то ушла. Она... я... Мы любим друг друга! Невозможно...

Она замолчала. Я остро чувствовала вину: Зои явно не стремилась рассказывать своей подружке о той красавице в блестящем топе. Дорис схватила тарелку с котлетой и выскочила из кухни, увлекая за собой шлейф тревожной неизвестности.

– Эх... – протянул Гарри и пожал плечами. – Се ля ви. И все-таки... куда она делась? Она всегда зависала где-то, но приходила на работу вовремя.

Я промолчала. Блик от серебристого топа все еще стоял перед глазами, как свет софита. С кем же исчезла Зои Кинг вчера ночью и куда ее привел этот непонятный путь?

После обеда в кафе явился полицейский – мужчина средних лет с раздвоенным подбородком и сонными глазами. Он тихо расспросил работников кафе, знал ли кто-то о возможных причинах исчезновения Зои, и, когда его взгляд упал на меня, я поняла, что все – все без исключения – сказали правду. Я села за столик, нервно поправляя фартук. Мужчина пососал кончик ручки и поднес ее к бумаге.

– Итак, мисс...

– Йеллоувуд. Оливия Йеллоувуд.

– В каких отношениях вы были с Зои Кинг?

Я почувствовала, как Дорис прожгла мою спину взглядом.

– В деловых. Мы только коллеги. Но вчера она пригласила меня в клуб, и я...

– Как назывался клуб?

Сердце екнуло. Я попыталась вспомнить хотя бы название улицы, но память коварно свернулась в клубок. Полицейский кивнул и что-то записал себе в блокнот.

– Во сколько вы возвращались домой?

«Ты за этим звонишь мне в половине третьего?» – вспомнились слова Джи.

– В районе двух, сэр.

– Офицер Тауни.

– В районе двух, офицер Тауни.

Посетители нервничали в присутствии служителя закона и, тихо болтая, то и дело оглядывались на нас: кто-то – с тревогой, кто-то – с любопытством.

– Зои познакомилась в клубе с какой-то девушкой... – Опять пустота. Если бы не топ, я бы и не запомнила эту дамочку. Но что даст блестящая вещица следствию?

– Вы не запомнили, как она выглядела? Ее приметы?

– Блестящий топ.

Офицер неожиданно усмехнулся, но взял себя в руки и даже сделал пометку с моих слов. Я густо покраснела.

– И... больше ничего?

– Нет. Ну... кажется, она была с индийскими чертами. Темные глаза, черные волосы...

Тауни посерьезнел. Он задал еще несколько дежурных вопросов и внимательно посмотрел на меня. От этого мне стало не по себе.

– Мы проверим, были ли вы в клубе, мисс Йеллоувуд. И постараемся понять, есть ли у вас алиби. Пока, боюсь, придется попросить вас не покидать город.

– О... я...

– Спасибо за помощь следствию.

Я кивнула. Офицер Тауни ушел, колокольчик брякнул. Конечно, я наврала про внешность. Девушка мне совсем не

запомнилась.

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулась и увидела миссис Келлер, администратора «Бино». Она была встревожена и сердита, но не на меня. По крайней мере, я надеялась на это.

– Какого черта ему нужно было от нас? Где Зои?

– Если бы я знала, – ответила я, чувствуя неприятную тяжесть где-то под солнечным сплетением.

* * *

Я неуверенно смотрела на телефон. Могу ли я звонить племяшке после того, как меня пинком под зад вышибли из ее дома? Телефон нагрелся от долгого пребывания в стиснутой, вспотевшей ладони, и я протерла его. Я нужна Холли, а она нужна мне. Ее голос – серебряная лесенка из той дыры, в которую я провалилась. Я прижала телефон к уху. – Лив? – Холли, как ты? – Да в целом нормально... Она показалась мне грустной. Я насторожилась. – У тебя что-то случилось?

– Папа заболел, кажется, – ответила Холли и поникла еще больше. – Мама не разрешает входить в их комнату и сама носит ему поесть. Мне кажется, папа скоро...

Холли не смогла произнести это слово. Смерть – слишком большой кусок для маленькой девочки, чтобы его проглотить. Я поняла, что не в силах двигаться: страх за брата парализовал меня. Джейкоб Йеллоувуд никогда не болел ни-

чем, кроме ветрянки в детстве.

– Лив, – Холли прижала телефон к самым губам, и ее речь стала невнятной, – пожалуйста, пообещай мне, что ты приедешь за мной, если что-нибудь случится. – Я... – *Обещай.* – Обещаю, Холли.

Она вроде бы успокоилась и даже сменила тему, когда внезапно меня захлестнула волна животного ужаса. Кожу на затылке словно стянуло, каждый волосок на теле встал дыбом. Мне показалось, что в спину мне уставилось страшное чудовище, и, сделав над собой усилие, я обернулась. Никого. Только мельтешение посетителей кафе. В кровь бросился адреналин, сердце заколотилось в невозможном ритме.

– Лив? Ты там?

– Холли. – Я перевела дух и поежилась. – Мне нужно бежать по делам, детка. Не грусти и звони мне, когда только захочешь. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, Лив.

Я убрала телефон в карман. Проходящая мимо женщина посмотрела на меня жуткими заплывшими глазами.

* * *

Зои нашлась быстро – быстрее, чем предполагала полиция и ожидали мы. На следующий день после разговора с полицейским я узнала, что в участок сообщил о ней какой-то бездомный, залезший в мусорный бак поживиться обедка-

ми. Она была там – изломанная, с перерезанным горлом и широко раскрытыми глазами. Я думала о том, как это отвратительно – умереть под грудой осклизлых помоев, в смердящем коробе, полном опарышей. Дорис совершенно помешалась от этой новости; пришлось вызывать ей скорую.

Поминки прошли в самом необычном месте на земле – в любимом клубе Зои, уже знакомом мне. Выглядящие слишком чопорно среди размалеванных и дергающихся в танцевальных конвульсиях людей, мы сидели на тех же диванчиках, где недавно я раговаривала с Зои, цедили мартини и водку, смотрели в разные стороны. Когда в клубе воцарилась тишина из-за каких-то неполадок в пульте диджея, Анна Келлер, одетая в черный брючный костюм и впервые отказавшаяся от развеселых бандан, встала, держа в правой руке стакан, а левую заложив за спину.

– Сегодня мы прощаемся с Зои Кинг – коллегой, подругой, возлюбленной. Зои никогда не падала духом; в тяжелые моменты всегда была рядом, чтобы подставить плечо. Кто-то из нас знал ее хорошо, кто-то – не очень, но в каждом сердце она так или иначе оставила свой след как веселая и добрая девушка. Надеюсь, убийце воздастся за его поступки.

– Аминь. – Гарри залпом выпил стопку коньяка и вытер губы рукавом.

Я чувствовала волны недоверия от Дорис. Она была здесь же – пришла в себя после успокоительного укола и теперь пылала праведным гневом. Полиция не предъявила мне об-

винений: камеры в подъезде зафиксировали мое появление в два часа двадцать минут, тогда как смерть Зои наступила позже, около половины четвертого. Конечно, мы все понимали, что мое алиби зыбко, но все же тяжесть подозрения стала легче. На записях я была пьяной и без пятен крови на одежде – сомневаюсь, что после такого зверского убийства можно остаться абсолютно чистым.

Воцарилось неуютное молчание. Видимо, ощутив напряжение, разбрасывающее вокруг щупальца, Клэр помешала свой мартини зонтиком и задумчиво сунула его в рот.

– Как вы думаете, гибель Зои связана с тем, что передавали в новостях?

– В городе уже ходят слухи о ритуальных убийствах, – фыркнул Гарри, но на его лице явно отразилось беспокойство. – Перерезанное горло, сильные увечья...

– Вчера был такой туман, – покачала головой миссис Келлер. – Мне пару раз казалось, будто я что-то видела в подворотне у дома, но это лишь обман зрения. Туман всегда вводит в заблуждение.

– Вампиры, не иначе, – серьезно заявил Джерри.

Я подавилась, и нос обожгло попавшее не туда спиртное. Клэр презрительно взглянула на Джерри. Зонтик торчал из ее рта, создавая весьма комичное зрелище.

– Джерри, ты что, идиот? – усмехнулся Натан. – Вампиров не существует.

– Это вы так думаете, – буркнул Джерри, – а сколько еще

в мире неизведанного?

– Неизведанным для меня остается только твой шкафчик, Джерри, – произнесла миссис Келлер, отвлекаясь от своего бокала. – Я видела, как ты прячешь там продукты, но не достаешь их оттуда.

Даже в полумраке было заметно, как Джерри покраснел, лишь его оттопыренные уши казались белее снега. Я встала из-за стола. Взгляды коллег обратились ко мне.

– Ты уже домой?

– Хотелось бы уйти до того, как совсем стемнеет. – Я допила martini и тряхнула головой. – В последнее время я не люблю возвращаться поздно одна.

Мы сердечно попрощались, даже Натан и Дорис кивнули мне напоследок. Пульт наконец-то заработал; разгоряченная толпа снова танцевала, качала вскинутыми кулаками, трясла волосами. Я пробиралась между людьми; чьи-то кольца, часы и браслеты рвали мои чулки и оставляли затяжки на платье.

Впереди вдруг показался знакомый силуэт. Я остановилась, испуганно глядя на него. Мы стояли в океане танцующих как две скалы. «Беги отсюда, – шептал здравый смысл. – Беги, пока ноги держат». Но что-то влекло меня к *нему*, словно свет – мотылька. Взгляд был почти гипнотическим, не оставлял выбора.

Мы приблизились друг к другу. Запах его тела теперь не казался отвратительным – наоборот, это был пряный аромат

ладана, пряностей, парфюма. Я вдыхала его, не обращая внимания на смрад пота танцующих. Незнакомец смотрел на меня не мигая. Свет полоснул его по глазам; в темной глубине мелькнул хищный красный отблеск. Я ощутила укол страха, но он исчез без следа, едва парень прикоснулся к моей щеке.

– К тебе, – прошептал он.

– Ко мне.

Я не могла сопротивляться его бархатному голосу. В странном полусне я шла за ним, как ребенок за звуками дудочки крысолова. Последствия мало меня волновали.

Дорога до дома стерлась из памяти.

Уже в подъезде я вытащила ключ из тайника, дрожащими руками открыла дверь в квартиру. Незнакомец перешагнул порог первым, увлекая меня за собой. В коридоре я стащила с него футболку, он с меня – платье. Мы вошли в спальню. Я рухнула на голый матрас и завела руки за голову. В полумраке раздавалось прерывистое дыхание. Звякнула пряжка джинсов, и вот – долгожданный момент.

Он был груб и нетерпелив, двигался бесчувственно, почти механически. Я смотрела на него снизу вверх, смутно догадываясь, что что-то не так, но пьянящее желание не давало прийти в себя. Его глаза то и дело ловили отблески огней за окном. Карие-красные, карие-красные... Как странно...

Кровь застучала в ушах. Я выгнулась от жара, хлынувшего по жилам, а он склонился ко мне, но не для поцелуя. Мои раскрытые губы схватили лишь воздух. Я недоуменно при-

открыла глаза и тут же содрогнулась от острой боли.

Он укусил меня в шею.

Часть II

Метаморфоз

Имаго страшны тем, что были людьми когда-то; никакой другой хищник не сможет так глубоко понять свою жертву, проникнуть в самую ее суть. Имаго посвящен в тайны человека и может тасовать их, как карты, и выбирать нужную. Это и есть ужас – смотреть в глаза своей смерти как в зеркало.

«Книга Смерти», Элиас Роше, бывший педагог начальной школы Марли-ле-Руа, 1990 г.

Глава 6

Реальность поблекла, сжалась до размеров раны и впивающихся в мою шею зубов. Почти не дыша от ужаса, я ударила парня кулаком в плечо.

– Отпусти! – из горла вырвался жалкий хрип. – Пожалуйста...

Сладкая истома исчезла, обнажив ужас. Я тщетно попыталась приподняться, но меня крепко вжимали в постель. Перед глазами повисла пелена. Я опустила руку на прикроватный столик. От боли в шее взрывались фейерверки, голова шла кругом, но где-то в красных от крови, красных от страха

мыслях стучала невероятная, но очевидная истина.

Он вампир.

Обезумев от страха, я сделала то, чего сама от себя не ожидала, – впилась зубами в его плечо. Омерзительный затхлый привкус заполнил рот, но я все терзала и терзала его плоть, как и он мою. Наконец рука дотянулась до гладкой поверхности настольной лампы. Молясь, чтобы она не выскользнула из мокрой ладони, я обхватила лампу и из последних сил обрушила ее на голову парня. Лампа с громким звоном лопнула, осыпав и нас, и постель осколками. Незнакомец обмяк, тянущее ощущение в ране исчезло. Я понимала, что нельзя терять ни секунды: по пустеющим жилам разливалась слабость от кровопотери. Застонав, я оттолкнула парня. Он рухнул на пол, заливая все вонючей темной кровью. Потерял сознание или умер? На долю секунды я действительно задумалась, но туман надвигающегося забвения съел эти мысли.

Из рваной раны на шее хлестала кровь. Толчками она покидала тело, расплываясь на простыни, впитываясь в матрас. Я вспомнила, что телефон остался в прихожей на тумбочке, но силы уже иссякли. Коридор казался таким же далеким, как Марс.

«Лучше остаться тут, чтобы меня смогли найти, чем помереть где-нибудь под диваном, словно крыса», – так рассудила я, лежа на боку и судорожно хватая ртом воздух, как рыба, вытасченная из воды. Смерть была близко – теперь мир сжался до размеров точки, как будто я смотрела на него из

шланга и падала, падала, падала... куда-то сквозь постель и самую материю, в самую глубь пустоты.

* * *

Вокруг было тихо и темно, только в ушах булькало и гудело, словно я очутилась в утробе. Чьи-то склизкие холодные руки обвили талию, кто-то тихо засмеялся на ухо. Я слабо улыбнулась. Где бы я ни оказалась, здесь хорошо и спокойно, кто-то уверенно ведет меня через толщу вод преисподней... не все ли равно куда? Главное, что я не одна: некто беспрестанно шептал на ухо и напевал тихую песню, красивую, но незнакомую. Белые, почти седые волосы обвились вокруг запястий, скользнули шелком по бедрам и спине. Приятное ощущение. И такой нежный женский голос...

– *Здравствуй.*

Я вдохнула, спеша ответить, но вода вокруг резко исчезла, сменившись сухим воздухом. Где-то далеко пищали приборы. Я открыла глаза и уставилась в белый больничный потолок. Было слишком светло и ярко, пахло чистящим средством и лекарствами.

– Оливия?

Скосив глаза, я постаралась за трубками, торчащими из носа, увидеть говорящего. На стуле рядом с койкой сидела Женьевьева. Бледная, с запавшими глазами, она смотрела на меня с облегчением и некоторым недоверием, будто уже не

ожидала увидеть мое пробуждение. Ее голубые глаза блестели от слез.

– Джи, – прошептала я.

– Я зашла, чтобы поговорить, и нашла тебя в постели, окровавленную. – Она шмыгнула носом и убрала прядь волос с моего лица. – Ты лежала с открытыми глазами, и я уже думала, что...

Джи отвела взгляд и закусила губу, едва сдерживая эмоции. Я устало прикрыла глаза. Если бы она не пришла, я была бы уже мертва. Мертва... Разве не смерть вела меня через волны в известные только ей дали?

– Там был еще кто-то? – тихо спросила я.

– Что? – Женевьева склонилась надо мной. – Что ты сказала, милая?

– В моей квартире, – повысила я голос, – был кто-то еще?..

– Больше никого, – покачала она головой, – только ты и огромное количество крови. Ты была серьезно ранена...

– Это не только моя кровь. Там был...

Вампир.

– Парень.

– Кто? – Джи нахмурилась. – Какой?

– Помнишь того парня в баре? В «Давилке»...

– Это от которого ты захотела поскорее удрать домой?

– Да... Вчера мы встретились в клубе. – Я не стала упоминать про странный магнетизм, почти чары, под которые попала. – Он... он уку...

– Что?

Я замолчала. Джи ободряюще улыбнулась, но язык не поверачивался сказать правду. *«Он вампир, и он укусил меня, пока мы трахались»*. Во второй раз за время нашей дружбы я приняла решение умолчать о чем-то важном лишь потому, что это не вписывалось в рамки нормальности. В качестве компромисса я протянула руку, свободную от катетеров, к шее. Пальцы нащупали странную чужеродную бороздку на коже.

– Тебе наложили швы, – пояснила Джи.

«После такого – удивительно, как еще голову обратно пришивать не пришлось», – тоскливо подумала я. Мы обе замолчали, слушая писк приборов. В открытое окно задувал легкий ветерок, пахнувший опавшими листьями. Я потянула носом воздух: в палату проникали ароматы сырой земли, рододендрона, кедра, а Джи рядом пахла любимым парфюмом. Весь мир превратился в запахи, я щупала его обонянием, даже не задумываясь о том, что в принципе не могу чувствовать так много и сразу.

– Когда меня выпишут? – спросила я.

– Они сказали, что тебе придется провести в больнице несколько дней. – Джи неопределенно пожала плечами и встала. – Лив, приемное время...

– Да...

– Ты правда в порядке? – Она обошла койку и заглянула мне в лицо, но я слабо мотнула головой и постаралась убе-

дительно улыбнуться.

– Я просто устала.

Джи просияла и, погладив меня по голове, удалилась. Я смотрела ей вслед со странным чувством – еще никогда я не утаивала от своей лучшей подруги так много.

* * *

Полдня я дремала, переживая один и тот же кошмар: кто-то мягко обнимал меня, тянул сквозь толщу воды к поверхности, шептал на ухо бессвязные слова и песню, эхом отдающуюся в голове. Я покорно позволяла тащить себя вверх, тупо глядя на светлые отблески, танцующие по волнам, а серебристые пряди обвивались вокруг моих лодыжек и бедер, как водоросли. Собственные волосы черной тучей висели перед глазами. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался темный океан.

В мглистой тьме что-то клубилось и двигалось вперед, пожирая пространство, погружая его в дурно пахнущее ничто.

– *Посмотри на меня*, – шептал голос, – *обернись...*

Каждый раз, просыпаясь, я хваталась за шею, ожидая увидеть на пальцах кровь, но вокруг все было чисто.

Я полагала, что должна чувствовать что-то необычное, но нет: бурлила кровь в венах, работали органы, мозг раздавал им указания и содрогался от ужаса при мысли, что по организму сейчас распространяется нечто непонятное.

Вечером я очнулась от того, что подушка промокла. Полная дурных предчувствий, я потрогала шею и взглянула на пальцы: рана открылась, и все вокруг было в крови.

– Сестра! – закричала я не своим голосом. – Сестра! Кто-нибудь!

Как оказалось, поводов для беспокойства не было. Однако, заново накладывая швы, лечащий врач недовольно бурчал под нос.

– Материал обычный... Рана тоже... Странно...

– Доктор, – прошептала я, вздрагивая каждый раз, когда изогнутая игла входила в кожу, – как вы считаете, чем меня ранили?

– Я бы сказал, что вы потерпели неудачу в схватке с диким животным, – пробормотал врач.

«Дикое животное». Так вот как теперь я могла называть любовника, чуть не ставшего моим убийцей.

* * *

Так прошло пять томительных дней, в течение которых меня то и дело навещали знакомые и врачи, проверяющие, как поживает рана. Она поживала скверно: раз за разом швы растворялись, словно их поливали кислотой, пока однажды все не закончилось. Рана стремительно затянулась, оставив после себя бледный рваный шрам.

– Ничего не понимаю. – Врач двумя пальцами надавил

на след, покрытый бахромой засыхающей крови. – Ведь она была здесь... Определенно! Вот следы от игольных проколов... Она выглядит так, словно заживает уже долгое время!

– Меня не спрашивайте, – мрачно отозвалась я, морщась от его бесцеремонных тычков. – Если бы я знала, в чем дело, то не сидела бы перед вами с таким лицом.

Слухи о чудесном исцелении девушки из палаты двадцать три облетели весь госпиталь, став камнем преткновения в научных дискуссиях и предметом религиозных споров. Было забавно слушать, погрузившись в чтение брошюрки, что, с одной стороны, это может быть особенностью организма, а с другой – происками дьявола.

– Значит... – Джи выжидающе посмотрела на меня, расплываясь в улыбке. – Тебя выписывают завтра?

– Ага. – Я была бы счастлива, если бы меня не глодал червячок необъяснимого страха. – Американская медицина творит чудеса.

– Боже, храни Америку, – нараспев произнесла Джи, и мы обе засмеялись. – Я рада видеть тебя снова улыбающейся.

Я рассеянно усмехнулась. Нельзя было показывать кошмарное, искаженное ужасом лицо, томящееся под этой маской счастливой улыбки. От пережитого потрясения Джи утратила пронизательность, поэтому ее ни капли не настрожило такое быстрое выздоровление – наоборот, она уверовала в то, что это целиком и полностью заслуга врачей, хотя они сами ломали головы над загадкой.

– Все возвращается на круги своя. – Джи вздохнула и перебросила волосы вперед. – Джейк звонил?

– Нет, – я вздохнула. – Наверное, он сильно болен. Холли сказала, что он не выходит из своей комнаты и Шерил сама ему носит поешь.

– Больной Джейк... – Джи покачала головой. – Это вообще возможно в нашей реальности?

– М-м... Надо бы навестить его. Но я не уверена, что меня пустят на порог...

Джи прочесала рукой прядь волос. Я сонно проследила, как бледные пальцы, словно акулы плавники, рассекают блестящую черную гладь. Как же хотелось спать...

На следующий день я вышла на крыльцо больницы с таким ощущением, словно была первым ступившим на лунную поверхность. Стоял чудесный осенний день, хрусткий и звонкий, сияющий и золотой, как церковный колокол, – то тут, то там можно было увидеть пациентов, счастливо воссоединяющихся с семьями. Мысленно порадовавшись за них, я поискала взглядом своих: Джи стояла у машины, а рядом с ней – Холли с огромным букетом фрезий. Увидев меня, обе замахали руками.

– Привет, солдатик, – Джи дружелюбно толкнула меня в плечо кулаком, а потом обняла, – я так скучала по тебе в обычной одежде.

– Лив! – Глаза Холли были ярче, чем небо над головой. – С выздоровлением!

Джи открыла передо мной дверцу машины, и я села, уткнув нос в душистый букет. Холли расположилась позади, Джи бухнулась за руль и подняла типичную водительскую суету: принялась поправлять зеркала и кресла, зашуршала бумажками в бардачке. Она тщательно проверила документы, потом, вздохнув, пристегнулась.

– Ну что, девчонки, поехали?

– Поехали! – закричала Холли. Я улыбнулась.

– Куда едем?

– В пиццерию! – Джи затормозила на пешеходном переходе, сурово глядя на ковыляющую через дорогу пожилую парочку. – Отметим, так сказать, твою выписку.

Я опустила козырек, пряча глаза от солнца. Наступил октябрь: как и все городки в Америке, Пайнберри неспешно готовился к Хеллоуину – витрины украшали зловещими тыковками из бумаги, гирляндами в виде летучих мышей или чертей; по вечерам деревья на аллеях загорались яркими лампочками, а на столбах то тут, то там виднелись объявления о предпраздничных акциях и мероприятиях. Я прижалась лбом к стеклу и прикрыла глаза. Меня мутило, голова кружилась. Неосознанно я дотронулась до шрама на шее, но успела отдернуть руку прежде, чем кто-либо заметил и спросил, в чем дело. Рана не болела, все было хорошо... кажется.

Джи припарковалась у пиццерии. Взяв в руки сумочку, она подмигнула мне:

– Вылезайте, девчонки! Пойдем поедим.

Я вышла последней. Настроение резко ухудшилось. Солнце нещадно палило, хотя сейчас, в октябре, оно уже не должно было даже пригревать.

– Лив? – Джи взяла меня за руку и с тревогой покосилась на Холли. – Тебе нехорошо? Ты такая бледная...

– Нет, идем. – Я перевела дух и вытерла испарину со лба. – Веселиться, ура.

Обе переглянулись с нескрываемой тревогой и, взяв меня под руки (маленькая Холли обняла меня за талию), повели в прохладную пиццерию. Скрывшись от солнца, я почувствовала себя лучше. Джи с Холли громко спорили, за каким столиком нам сесть, а я растерянно смотрела по сторонам. Казалось, все тарашатся только на меня, хотя в действительности все были заняты своими делами.

– Пойдем!

Джи подвела меня к столику в углу, около большого гибискуса в кадке, и тут же к нам подскочила молоденькая официантка:

– Чего желаете?

– Две с ананасами, – сказала Джи, даже не глядя в меню. – Ты же хочешь с ананасами, киска?

– Да! – Холли ткнула пальцем в раздел напитков. – И малиновую газировку!

– Да, газировку и еще безалкогольного пива. – Джи вопросительно взглянула на меня. – Эй, ты чего-нибудь хочешь?

Я бессмысленно просмотрела меню – казалось, что я чи-

таю инструкцию по эксплуатации комбайна на китайском языке. Все такое неаппетитное...

– Одну мексиканскую фирменную, – вяло произнесла я, – и безалкогольное пиво.

Официантка умчалась на кухню. Холли и Джи испепеляли меня взглядами, и я не выдержала:

– Что?

– Ничего, – протянула Джи.

Пытаясь чем-нибудь занять руки, она схватила из плетеной корзинки хлебную палочку и разломилась пополам. Этот звук напомнил мне...

...о ломающихся костях...

...о рубке дров в лесу. И этот запах свежего дерева...

– Скажи, Холли, – широко улыбаясь, заговорила Джи, – как дела в школе?

– Ой, замечательно! – Холли поддержала игру и быстро закивала, налаживая беседу. – Правда, есть одни ребята...

Я слушала их, особенно не вникая, но иногда ради приличия вставляя реплику-другую. Желудок сверби-ло, я мысленно успокаивала себя тем, что скоро заказ будет готов, вот только от одной мысли о пицце горло судорожно сжималось. Джи и Холли неприятно косились на меня: наверное, ожидали, что я вот-вот рухну на пол и начну кататься по нему с дикими воплями. Я раздраженно выдернула из растерзанной цветистой салфетки пучок ниток.

Наши заказы появились на столе, дымясь и испуская яр-

кие ароматы. Я осторожно взяла покрытый матовой пленкой конденсата бокал с фирменным тиснением, сделала глоток. По горлу прошел спазм: напиток напоминал ледяные помои, приправленные полынью и освежителем воздуха. Стараясь сильно не морщиться, я опустила бокал на предусмотрительно подложенную салфетку и покашляла.

– Чего ты скривилась? – Джи выхватила у меня пиво и сделала глоток. – М-м-м! Очень вкусное! Обожаю вишневое.

– Ты шутишь? – Я приняухалась. – На вкус прямо мыльный раствор.

– О, – поперхнулась Джи, – нет, не может быть. Очень приятное!

Глядя, как она, весело стрельнув глазами, вновь пригубила мое пиво, я задумалась. Во рту остался неприятный привкус. Порой я баловалась пивом, хотя предпочитала красное вино. Но такая реакция была впервые. Даже темное пиво, пощипывающее язык, мне вполне нравилось.

– Наверное, это все от лекарств? – предположила Холли, снимая кусочки ананаса с пиццы и съедая их отдельно. – Ма говорит, что вкусы могут меняться после болезни.

Вкусы могут меняться после болезни...

– Холли, а как папа себя чувствует? – поинтересовалась я, поглаживая изогнутую ручку бокала. – Выздоровел?

– Ну, – опустила глаза Холли, – он начал выходить из комнаты, но теперь постоянно раздражен. Сегодня накричал на соседа – просто стоял и кричал, как сторожевой пес. Я боюсь

его. С ним что-то не так.

– Это все грипп! – заявила Джи с набитым ртом. – По телевизору передавали, что идет мощная волна гриппа. Нам стоит быть осторожными.

Я мрачно посмотрела в свою тарелку. По пицце ползали черви – белые, тонкие, длинные, они кишмя кишели в помидорах и тесте, извивались и сталкивались, пытаясь сожрать как можно больше, чтобы просуществовать чуть-чуть подольше. Я перевела взгляд на Джи и Холли: у обеих на губах шевелились личинки, а пиццы казались рябыми от их огромного количества. Я ощутила кислоту, поднимающуюся из желудка, и, прежде чем успела что-либо сказать или сделать, меня вырвало прямо в тарелку.

Джи и Холли испуганно отшатнулись. Люди из-за соседних столиков уставились на меня с таким презрением, что мне стало еще хуже.

– Лив? – Джи склонилась ко мне. – Ты в порядке?

– Мне нужно в уборную. – Я выскочила из-за стола так поспешно, что разлила пиво.

В туалете было прохладно и светло. Я включила холодную воду и сбрызнула лицо; меня всю лихорадило, лоб горел. В зеркале белело незнакомое лицо: под глазами залегли тени, губы иссушились, даже кожа истончилась, как бумага. Я напоминала психопатку или наркоманку, а неприятное происшествие добавляло впечатлению правдоподобности.

– Спокойно, – прошептала я, глядя в глаза своему отра-

жению, – спокойно. Вампиры ведь не отражаются в зеркалах, так? А я отражаюсь. *Что я несу!* Вампиров *не существует!*

Меня трясло. Стараясь унять дрожь, я вцепилась в край раковины и прижалась лбом к зеркалу. Его прохладная поверхность действовала успокаивающе.

– Оливия? – в туалет вошла Женевьева. – Что с тобой?

– Все хорошо! – Я утерла лицо ладонью. – Я просто немного устала.

– Уставших людей не тошнит в тарелку, – заметила Джи.

Она сделала шаг ко мне, тонкие каблукы противно щелкнули по кафелю. Я невольно дернулась: такой невинный звук показался ударом хлыста.

– Чувствую себя странно, – прошептала я, – никогда себя так не чувствовала.

– Ты уверена, что тебе не нужно обратно в больницу? – спросила Джи, смачивая носовой платок и прижимая его к моему лбу. – Лекарства, покой...

– Нет-нет, – попяtilась я, – нет. Я здорова! Наверное, это аллергия...

– Холли до смерти испугалась, – грустно сказала Джи, глянув на себя в зеркало, чтобы поправить помаду.

Я вздохнула.

– Пойдем. Сделаем вид, что ничего не произошло.

Рука об руку мы вышли в зал, игнорируя взгляды посетителей – тех, что не сбежали сразу. Холли и впрямь выглядела бледной. Я с легким спазмом в желудке заметила одинокого

червя на ее бумажной тарелке.

Час от часу не легче.

* * *

Я проводила Женевьеву до дверей, и она, крепко-крепко обняв меня, еще раз пожелала мне быть осторожной. Глядя, как подруга скрывается за створками лифта, я осознала, что подобных пожеланий за последнее время слышу преступно много. Какой от них толк, если я все равно угодила в такие неприятности?

Холли уснула на диване, так и не досмотрев диснеевский мультфильм. Я остановилась рядом, разглядывая ее светлые волосы, легкий румянец на щеках, по-детски красные губы. Холли должна была вырасти красавицей: в ее внешности чудным образом сочетались черты холодной Шерил и по-южному яркого Джейкоба, но последние проявлялись неявно, как голографическая картинка. Встанешь чуть левей – и наваждение исчезнет, перед тобой маленькая копия матери. Я ненавидела Шерил до мозга костей, но говорить, что она некрасива, значило бы нагло лгать.

Телефон в руке завибрировал.

– Оливия.

Я не узнала этот голос – какой-то хриплый, сухой, как шелест листьев под ногами.

– Кто это?

Незнакомец трескуче рассмеялся. У меня по спине поползли мурашки.

– Надо же. Брата не узнаешь.

– Джейкоб?

– Ну, у тебя же больше нет братьев?.. Я заеду за Холли через несколько минут.

Я покосилась на Холли: та уже проснулась и теперь с силой потирала глаза кулачками.

– Да... конечно.

Телефон замолчал. Я не могла отделаться от ощущения, что по ту сторону был кто-то, неумело копирующий манеры и тембр моего брата, кто-то, но не Джейкоб. Холли слезла с дивана и сонно заморгала.

– Мы едем домой?

– Ты едешь домой. – Я поискала глазами ее кофточку. – Одевайся, куколка.

– А... ты не повезешь меня?..

Я печально улыбнулась. Холли была расстроена, но и немного... испугана? Она неловко натянула кардиган и застегнула пуговицы, замаявшись на предпоследней.

– Папа звонил? – коротко поинтересовалась она.

– Да, папа.

– Наконец-то он стал выходить из дома, – вяло сказала Холли. – Когда он сидел в своей комнате... мне было *еще* страшнее.

Я промолчала.

Машина Джейка уже стояла на парковке, а сам он ждал рядом. Я с беспокойством отметила то, как он ссутулился, сторбил плечи. Даже дорогой пиджак будто бы стал ему велик на три размера. Больные мутные глаза запали и мерцали угольками.

– Садись, Холли, – пробормотал Джейк. – Папочка сейчас подойдет.

– Да, па. – Холли смиренно засеменила к машине. С каждым шагом изгиб ее спины терял задорную прямоу, превращаясь в покатый панцирь одиночества.

– Я слышал о твоей травме, – сказал Джейк тем безжизненным голосом, который я слышала по телефону. – Очень жаль, что не смог приехать.

– Я вижу, что тебе самому плохо. – Я глянула в его темные глаза. – Рану быстро залечили.

– Того ублюдка нашли? – спросил Джейкоб.

Я покачала головой.

– Нет, я не заявляла в полицию.

– Хм, – улыбнулся Джейкоб, обнажив черные десны, покрытые струпьями. – Можешь не беспокоиться. Он свое получит.

Джейк развернулся и неуклюже пошел к машине. Он вдруг... будто стал чужим. Когда он помахал мне с водительского сиденья, я уже практически не знала этого человека.

Глава 7

Ночь была полна звуков. Где-то надрывно плакал ребенок, заходился стонами и криком. Я села в кровати и включила уцелевший ночник. В комнате никого не было, но я явственно слышала жуткие всхлипы: чей-то нереальный, словно долетающий из глубокой ямы голос причитал прямо в моей голове.

– *Мамочка... мамочка...*

Я вышла из спальни, стараясь определить источник звука. Темная квартира казалась огромной: чтобы не оставлять за спиной мрак, я включала каждый торшер, каждый светильник. Невидимый ребенок продолжал плакать:

– *Помоги мне, мамочка, почему ты никак не поможешь мне...*

– Замолчи! – Я опустилась на колени, отчаянно прижимая кулаки к вискам. – Замолчи, замолчи...

Плач постепенно стихал, как будто отдалялся. Затаив дыхание, я прислушивалась, не вернется ли этот странный голос, но все было тихо. Циферблат показывал три часа ночи. Окна соседних высоток казались пустыми глазницами, тысячами глаз, и я отвернулась, обхватив себя руками. Это не могло мне показаться. Просто не могло. Я замерла на пороге комнаты, раздумывая, стоит ли выключать свет, но вспомнила о той темноте, что сейчас царит за тонкой перегород-

кой оконного стекла. Поэтому я просто вернулась в спальню, легла на кровать и дрожащими руками натянула на себя одеяло. Пот крупными бусинами скатывался по коже, меня то бросало в жар, то схватывал озноб; стуча зубами, я с силой поджала колени к груди с твердым намерением поспать. И впала в спасительное забытие.

* * *

Утро наступило быстро, как по мановению руки.

Лежа в постели и глядя в потолок, я анализировала свое состояние. Тело горело, словно его пропустили сквозь мясорубку; вдобавок меня все еще сильно клонило в сон. Часы показывали двенадцать, и я крепко задумалась, стоит ли вообще идти на работу в таком состоянии.

Позвонив миссис Келлер, я предупредила ее о своем недуге. Кажется, она поверила – хотя кто бы не поверил, слыша в телефоне несчастный, хриплый голос больного человека? Завершив короткий, но суливший пару дней покоя разговор, я откинулась на подушку. Поспать еще пару часов – пока самая важная задача.

Свет, бьющий из окна, безумно раздражал. Я с силой зажмурилась. Не помогло. Тогда я встала и подошла к шкафу. Вытащив все имеющиеся одеяла и пледы, я сложила их на своей кровати и, улегшись, принялась накладывать их на себя слой за слоем. Вскоре я очутилась в темном непроница-

емом коконе и с облегчением вздохнула. Ну и что, что жарко, – зато темно. В конце концов, я заслужила немного покоя.

Трудно назвать то, что я видела, снами – это скорее напоминало путанные видения, которые приходят в тяжелом температурном бреду. Я бежала по полю, где были лишь небо и трава, трава и небо, и вокруг странными цветами пестрели бабочки, сложившие крылья. Они взлетали, когда я тревожила стебли, садились на меня и трепетали, щекоча цепкими лапками. Позади неумолимо маячила фигура. Когда я уже готова была закричать от отчаяния и страха – сколько бы я ни бежала, все равно оставалась на месте, – фигура растворилась, поднявшись в воздух темным столпом пыли.

– *Оливия...*

Сон прервался резко. Организм включился сам по себе, как машина: завертелись шестеренки, закрипели суставы. Руки, согнутые в локтях, медленно распрямились, а ноги, наоборот, поджались к животу. Я выбралась из жаркого кокона одеял и взглянула в окно. Солнце уже почти село – на горизонте сияла золотая линия заката, окруженная лиловыми облаками. Я взглянула на электронные часы: зеленые цифры показывали девять. Никакой сонливости, взгляд ясный и четкий, словно кто-то вытащил хрусталики из глаз и промыл их. Обычно я очень тяжело просыпаюсь.

Я прошла в кухню, думая о том, сколько денег накапает на счет после суток иллюминации – лампы все еще горели. Я привычно достала из маленького холодильника апельсино-

вый сок, а из шкафчика – любимые хлопья, залила их в пале и, взяв ложку, застыла. Сахарные пластинки тихо шуршали, впитывая солнечно-желтую жидкость, раскисали, превращаясь в сладкую жижу. В нос ударил такой едкий запах лимонной кислоты, что я отшатнулась, зажимая его ладонью. Невозможно. Я была почти уверена, что при контакте языка с *этим* нежные вкусовые сосочки просто расплавятся.

В отчаянии я заглянула в холодильник и, достав оттуда молоко, глотнула прямо из картонного пакета. Холодная жирная жидкость хлынула из уголков рта, закапала на пол, расплылась пятном на пижаме. Я утерла губы тыльной стороной ладони. Землистый привкус, кисло-сладкое послевкусие, запах вымени и чего-то еще, химического, но больше ничего. Тогда я допила молоко и смяла картонку в руке. Желудок недовольно буркнул, но обошлось без извержения. Я удовлетворенно вздохнула, но с нарастающей тревогой осознала: *этого недостаточно.*

В холодильнике были вино и пиво, фрукты и салаты, колбаса, сосиски, йогурты, бургеры. Они манили красотой, но вблизи оказывались отвратительными: каждая гнильца на фруктах пахла брагой и плесенью, от колбасы и сосисок несло прогорклым жиром и свиной шкурой. Пиво источало мерзкий запах дрожжей, а йогурты смердели, как открытые фломастеры. Я закрыла мини-холодильник и прислонилась к нему. Вся моя жизнь вертелась вокруг культа Еды и Алкоголя – сомнительного сонма богов, носящих прекрасные

маски на уродливых лицах. Когда один отворачивался от меня, я возносила молитвы другому, и дары не заставляли себя ждать. Но теперь сразу оба порочных божества оказались предателями: я не могла вынести ни их вкуса, ни запаха. Все, чем я так наслаждалась, в чем топила горе и чем заедала тяжелые дни, кануло в Лету.

Я наморщила лоб. Можно было вытащить все съестное и проверять кусочек за кусочком, прислушиваться к ощущениям. Воодушевленная свежей идеей, я опустошила холодильник и нагрузила продуктами столешницу. Оценивающий взгляд остановился на сырой говядине, потом скользнул по алому куску свинины. Я взяла говядину в левую руку, свинину – в правую, задумчиво взвесила каждый кусок, понюхала. От говядины исходил пресный запах застарелой крови, от свинины – сладковатый, жирный. Сглотнув липкий комоч слюны, я поднесла говядину ко рту и сомкнула челюсти. Упругие волокна хрустнули под зубами, язык беспокойно заплясал по склизкой поверхности. Желудок никак не отреагировал на эту непривычную пищу, но я недовольно отстранилась. Невкусно. Абсолютно.

Судорожно вздохнув, я надкусила свинину. По губам заструилась влага. Как вкусно! Постанывая от удовольствия, я скорчилась на полу, отрывая кусочек за кусочком, глотая с жадностью, почти не жуя. На пол капала коричневая кровь из перерубленных вен, стучали осколки небрежно выплюнутых костей. Я вспомнила, как в детстве, у бабушки в гостях,

попробовала сырой фарш из индейки. Тогда казалось, будто во рту у меня очутилась старая половая тряпка. Но сейчас я съела кусок свинины целиком.

Закончив, я вытерла губы и неуверенно посмотрела на оставшуюся еду. Есть ли смысл пробовать мороженое или колбасу, сыр или пирожные, если мой желудок уже с удовольствием принял сырую свинину? Я протянула руку к банке «Бен энд Джерриз», сняла пластиковую крышку и понюхала десерт. Запах холодильника, сливок, масла. Аромат шоколадной крошки, размокшей в подтаявшем мороженом. Все это не вызывало отвращения, но казалось инопланетной пищей: вроде пахнет вкусно, но есть не хочется.

Я сдалась и, взяв черный мешок для мусора, сгребла все съестное в его жадную пасть. Я опустошила шкафчики, выгрузив оттуда сухофрукты и орешки, хлопья, печенье, конфеты. Из деревянной хлебницы я вывалила хлеб и булочки для гамбургеров, а из плетеной корзины – все пакеты с макаронами. Безжалостно и методично я уничтожала свои запасы, а мешок в руках тяжелел и распухал, как черный полиэтиленовый желудок.

Уложив сверху упаковку замороженных равиоли, я завязала его горлышко резинкой для волос и потерла лоб. Со всех сторон на меня смотрела пустота. Не без усилий я выволокла мешок к мусорным бакам. Сегодня на этой улице у всех бездомных будет воистину замечательный пир.

Собрав остатки денег в кошельке, я смогла снова положить в холодильник немного еды – пускай не баварские колбаски, а всего лишь немного сырого мяса и молока, но все лучше, чем ничего. Я вздохнула, выложила на широкое блюдо два куска свинины, прихватила бутылку молока и прошла к телевизору.

На экране замелькали тревожные кадры: тела, накрытые простынями, черные пакеты на стальных каталках... Я задержала взгляд на хмурых лицах полицейских, прогоняющих зевак с места происшествия.

– В штатах Нью-Гэмпшир, Вашингтон, Мэн и Огайо официально объявлен комендантский час: лицам всех возрастов не рекомендуется появляться на улицах после десяти часов вечера во избежание провоцирования убийц. Замеченные полицейскими патрулями люди будут отправлены в участок для установления...

Я пожевала свинину, глядя в окно. Как много идиотов решится нарушить комендантский час из-за какой-то ерунды? Кажется, полиции подкинули приличную работенку. Я не понаслышке знала, что нельзя быть уверенной в безопасности даже в собственной квартире. Моя беда пришла в лице симпатичного парня – это ли не повод задуматься о том, как опасно сейчас доверять кому-либо? По крайней мере, теперь

я знала природу этих преступлений... думала, что знаю.

Рваные раны на шеях. Зубы, разрывающие кожу, тянущее ощущение в укушенном месте. Словно тебя высасывают через соломинку.

Я замерла, не донеся до рта бутылку с молоком. Мне нужно найти *его*. Найти и выяснить, что происходит. В чем тайна крови, растворяющей швы, почему изменились мои вкусы, откуда сонливость. Будет восхитительно, если это просто новая неизученная инфекция, – тогда пойду и сдамся в больницу на опыты: пускай тычут в меня шприцами, но я хотя бы послужу материалом, помогающим в борьбе с какой-то дрянью.

Но если это то, о чем я думаю, – *вампиры, кровососы, носферату...*

...то я сделаю все, чтобы он пожалел о содеянном.

* * *

К вечеру заломило зубы. Сходя с ума от боли, я перерыла шкафчики и ящики в поисках аптечки с обезболивающим, но едва таблетка очутилась в желудке, как тот конвульсивно сжался. Поскальзываясь, я добежала до раковины и извергла в нее его содержимое. Глядя, как мутно-белая от выпитого молока слизь уходит в слив, я повозила языком во рту и сплюнула оставшийся комок. Таблетку.

Посмотрев в зеркало растерянными, широко распахнуты-

ми глазами, я подняла верхнюю губу. Хм, десны казались воспаленными. Но ведь я недавно была у стоматолога: мне поставили пломбу и сказали, что остальные зубы в полном порядке. Не может кариес сожрать за месяц то, что до сих пор не трогал? Я закрыла глаза, чтобы не думать о боли. В ушах воцарился густой звон: он наполнял меня изнутри, шипел, как растворимая пилюля, расходился по капиллярам. Бесконечный бег крови по двум кругам. Стон суставов. Бурление и скрежет в кишечнике, звуки пищеварения. Я изумленно прислушивалась к себе, сидя на холодном полу. Как странно. Люди изучают космос, зачарованно рассматривают фотографии и слушают записи, но ведь космос – он и внутри тоже. Я склонила голову набок, щелкнули шейные позвонки.

Отстранившись от чудес внутреннего мира, я обратилась к окружающему. На четвертом этаже засвистел чайник, на третьем проснулся ребенок. Сейчас он закричит... Огромный людской муравейник издавал мелкие заурядные звуки. Я шокированно прикоснулась кончиками пальцев к ушным раковинам. В верхней челюсти что-то противно тикало, будто там завелись термиты. Боль отупляла. Я спрятала голову меж коленей, стараясь утихомирить нытье в деснах. *Вампиры*. Сейчас это слово не казалось мне нелепым, сошедшим со страниц книг, и я была почти уверена, что начала познавать его во всей таинственной древней глубине. Я питаюсь не тем, чем раньше, стала вялой и сонливой, обострился мой слух. Но ведь я не пью чужую кровь и не сплю в гробу – кто

же я тогда? Или сказки о вампиризме – всего лишь преувеличенные пересказы слухов?

– Когда я найду тебя, – прошептала я, глядя на мерцающие огни за окном, – то вытрясу всю правду.

Многоцветная галактика города подмигивала мне тысячу пульсаров.

* * *

– Хм, очень интересно, – пробормотал стоматолог, держа мой рентгеновский снимок под лампой.

– Что там? – Я с любопытством перегнулась через кушетку, но врач сам повернулся ко мне.

– Это похоже на периодонтит, но ваши зубы в полном порядке, за исключением тонких канальцев над верхними клыками, выходящих в ротовую полость. Вот, видите?.. Они толщиной с волос, но разглядеть их здесь можно. Никогда не видел, чтобы кариес прогрессировал таким способом. Вот это, – он потыкал пальцем в темные пятна в деснах на снимке, – как я понимаю, пазухи, полости, образовавшиеся в мягких тканях. Сейчас они заполнены экссудатом, как оно бывает при воспалении...

– То есть придется ставить пломбы?

– Думаю, да. – Стоматолог аккуратно убрал снимок в конверт и вручил его мне. – Огромная работа – лечить оба зуба. Сейчас боль не беспокоит?

Я покачала головой. Тиканье исчезло в шесть утра, оставив после себя неприятное покалывание. Я понятия не имела, что все это значит, а пятна на снимке не добавляли ясности ситуации.

– Тогда всего доброго. – Врач улыбнулся мне, и я мельком окинула взглядом два ряда белоснежных квадратных зубов. Он удалил себе клыки. Надо было тоже их удалить, пока они не превратились в колодцы с гнилью. Я задумчиво ощупала языком две заостренные пики во рту.

Скоро Хеллоуин. Тыквенный пирог, сладости, пунш. В детстве я всегда наряжалась в ведьму: покупала парики и зеленый грим, шила кривые шляпы нарочито крупными стежками. В старшей школе я впервые сменила образ: с милой зеленолицей чародейки на красивую утопленницу. Синяки под глазами, бледная кожа, черные волосы, залитые лаком для эффекта влажности... Джи неизменно переодевалась в Уэнздей Адамс, а в старшей школе и после – в Мортишу. Мы великолепно смотрелись вместе, и сейчас я с грустью оглядывалась в прошлое, не затуманенное проблемами взрослых.

Я встала посреди улицы, несмотря на холодный дождь, капающий за шиворот. В жилах вскипала ненависть к человеку, едва не убившему меня и заразившему непонятно чем. И в этот момент мне хотелось лишь одного – убить.

Глава 8

– Не думала, что магазины будут настолько забиты, – пробормотала я, проталкивая Холли сквозь толпу возбужденных детей и подростков. – Кем ты хочешь быть, куколка?

– Я хочу быть мертвой школьницей! – закричала Холли. Ее голубые глаза сияли.

– А что нужно для твоего костюма?

– Школьная форма, бутафорская кровь и... оружие! – Холли подтащила меня к стеллажу с разноцветными предметами неясного назначения.

Я с некоторым замешательством отметила широкий выбор: и кошачьи ушки, и разномастная школьная форма, и парики всех цветов радуги. Мой взгляд приковал яркий тюбик с пастой для бутафорской крови. Я бросила в корзину три упаковки. Обычно дети наряжаются в привидений или ведьм, на крайний случай в зомби. Но если ребенок хочет чего-то другого, ему ничто не сможет помешать. Особенно если этого хочет Холли.

– Примерьте гольфы к костюму! – Вокруг нее уже с энтузиазмом вертелась молоденькая консультантка, – они из натурального хлопка.

– Лив! – Холли махнула мне свободной рукой. – Я к примерочным!

– Какая красивая девочка, – умилилась консультантка,

глядя ей вслед. – А в кого она собирается нарядиться?

– Труп школьницы, – буркнула я, разглядывая костюм хот-дога.

Консультантка пялилась на меня с нескрываемым любопытством. Пряча смущение, я пожала плечами и отвернулась от вешалок.

Толпа, с энтузиазмом готовящаяся к Хеллоуину, действовала мне на нервы. Для меня самой этого праздника больше не существовало: он слишком напоминал о кошмарной ночи, перевернувшей все с ног на голову. Каждый раз, когда я думала о том парне, горло непроизвольно сжималось, а руки так и чесались что-нибудь сломать. Чтобы отвлечься, я уставилась на стеллаж с пластиковыми клыками. Легче не стало.

– А вы будете что-нибудь себе смотреть? – спросила консультантка.

– Что? – Я отвернулась от вставных челюстей и накладных клыков. Их неестественная белизна вызывала тошноту.

– Вы будете наряжаться? – медленно повторила девушка, словно говорила с умственно отсталой.

– Нет, – попыталась улыбнуться я. – Мне... не до этого.

Пока я изо всех сил пыталась игнорировать упоминания о вампирах и Дракуле, Холли уже подошла к кассе: в руках огромный пакет, на лице – широченная улыбка. Увидев меня, она энергично попрыгала, чтобы я ее заметила, – впрочем, это было излишне. На фоне своих нескладных и неприметных сверстников Холли выглядела божеством: мягкие

локоны струились по плечам, перемигиваясь искорками; кожа была гладкой, как фарфор. Губы – две капли крови. Большие лазурные глаза в обрамлении пушистых ресниц. Рядом с ней я чувствовала себя замарашкой.

– Я купила! – Холли показала мне чек.

– Умница, – машинально ответила я, подталкивая ее на улицу.

Холли радостно щебетала и размахивала фирменным пакетом. Я со всем соглашалась, рассеянно глядя по сторонам, чтобы нас не сбила машина, пока мы пересекаем парковку. Солнце неприятно жгло кожу, как будто сейчас был самый разгар лета, а не середина осени.

– Как здорово, правда? – Холли захлебывалась от восторга. – А ты pomoжешь мне с приготовлениями?

– Конечно, – я взъерошила ей шевелюру. – Мама не будет против?

– У мамы много дел, – сникла Холли, – а папа не в настроении. Постоянно. Мама говорит, ему сильно нездоровится.

Я нахмурилась. Джейкобу...

Эти черные десны. Как будто он гниет...

...нездоровится.

...изнутри.

К кирпичной стене возле супермаркета прислонился кто-то в толстовке и мешковатых джинсах – подозрительно знакомый силуэт. Время от времени по его плечам пробегала судорога, будто человек очень замерз. Почувствовав взгляд,

голова в капюшоне повернулась в мою сторону; взметнулась черная косая челка, блестящая, но неопрятная. В темных глазах я прочла недоверие и... испуг?

– Эй ты!

Он метнулся в сторону, и лицо перекосилось от боли. Схватившись за левое плечо, парень юркнул в узкий проулок между магазином и жилым домом и исчез.

– Лив?.. – В чувство меня привел тонкий голосок Холли. – Кто это, Лив? Ты знаешь его?

Я задохнулась от злости. Нельзя было оставить Холли и рвануть в погоню за этим мерзавцем, но и видеть место, где он только что стоял, было невыносимо. Что ж, по крайней мере, ему было больно, судя по виду. Уже от одного этого я испытала мстительное удовольствие.

* * *

Вместе с Холли мы смотрели мультфильмы. Иначе никак: если ты отказываешься от мульт-тайма, то в наказание получаешь горящий взгляд. Холли практически не смотрела телевизор дома, но у себя я всегда позволяла ей оторваться даже в ущерб собственному досугу.

Я положила руку на ее хрупкое плечико. Холли вздрогнула, как будто пришла в себя после долгого сна, и взглянула на меня. Она уже переделалась в пижаму и тапки – уютные вещицы, всегда ждущие ее на отдельной полке в шкафу. Я

вспомнила, что в холодильнике нет ничего, кроме молока и сырого мяса.

– Холли, тут такое дело...

– Я заказала пиццу и китайскую лапшу, – улыбнулась она, – привезут через полчаса. Но расплатишься ты, потому что...

Я не ответила, опять уйдя в мысли о сегодняшней встрече. Изможденное лицо того парня снова и снова вспыхивало в памяти. Значит, он и правда болен – и заразил меня тем же самым. Мне хотелось найти его и пытать, пока не сознается. «Если бы не Холли, я бы схватила его сегодня, – с сожалением думала я. – Вряд ли он смог бы далеко убежать. Ну ничего, у нас еще будет время».

Холли беззаботно подпевала мультяшным персонажам и поглаживала пульт. Теплая и сонная, она казалась спокойной, но я знала, какие мысли бродят в ее светлой голове: Шерил была очень груба в телефонном разговоре и практически требовала, чтобы малышка немедленно вернулась домой. Когда в беседу включилась я, она стала вдруг убийственно вежливой и согласилась, чтобы Холли осталась у меня на ночь.

– Кажется, реклама кончилась! Хочу посмотреть «Дорожного Бегуна и Койота».

– Конечно, милая.

Не зная, куда себя деть, я прошла на кухню и прислонилась спиной к мини-холодильнику. Мысли вяло плыли в го-

лове, как большие скользкие рыбы. Я прикрыла глаза.

Где же она?! Неужели я опоздал? Она должна быть дома, должна! Я обхожу все комнаты, распахиваю шкафы. Никого. Пусто. Я упустил ее.

Злость захлестывает мозг и переливается через край, я бью кулаком в дверцу холодильника – бам! Вмятина, полка внутри ломается пополам. Глупые, хрупкие вещи. Я опрокидываю диван, столик перед ним крошится. Скидываю рамки со стен, статуэтки с полок, маленькие сувенирчики – они бьются со смешным хрустом, как куриные яйца. Разбиваю телевизор, потом вламываюсь в ее спальню и погружаю пальцы в матрас. Рву в клочья подушки. Вокруг кружит метель из перьев, и я прихожу в себя. С глаз сходит красная пелена. Пальцы сморщились, облезли, обнажили длинные черные когти.

Это пройдет. Стоит лишь подождать.

Мне пора убираться. Но я найду ее. Обязательно найду. Она уничтожила все, что у меня было.

Я зажала рот ладонью, глядя перед собой широко раскрытыми глазами. На лбу выступила испарина. Он был здесь. Тот парень был здесь. Он разнес мою квартиру, кружил рядом со мной, выжидая момента для атаки...

Холодильник тихонько завывал, как зимний ветер. Я открыла его и вытащила кусок свинины, завернутый в полиэти-

лен. В тот самый момент, когда мои зубы впились во влажную поверхность мяса, Холли вошла на кухню. Она смотрела на меня, а я – на нее, глупо застыв.

Никак не прокомментировав мое поведение, Холли вышла из кухни.

* * *

Весь вечер мы провели у телевизора за просмотром мультфильмов и детских фильмов с хэппи-эндом. Я едва терпела затхлый запах прелого теста и пересушенных помидоров, исходящий от пиццы, и острый, липкий – от лапши. Холли была необыкновенно молчалива.

Когда я попросила ее посмотреть что-то другое и отдохнуть от «Веселых мультяшек», она пожала плечами и переключила канал. Этим жестом она была похожа на Джейкоба: сначала поднять одно плечо, потом второе, медленно, лениво. Нахлынувшая тоска по брату была настолько болезненной, что я вздрогнула. – *Жизненный цикл бабочек состоит из четырех стадий: яйцо, личинка, куколка и взрослая особь. Бабочки – это насекомые с так называемым полным циклом превращений, так как личинка полностью отличается от взрослой особи. Переход от одной стадии к другой, или превращение, называется метаморфозом...*

Метаморфоз. Из нескладного уродливого подростка вырастает красивый статный мужчина или стройная прекрас-

ная женщина. Потом они увядают, как листья, передав красоту следующим поколениям: из волос и глаз уходит цвет, кожа сморщивается, как печеное яблоко. Артриты, склерозы, маразмы. А потом – смерть. Один лишь миг на этом свете отдан на такой короткий фокус – метаморфоз.

– Самка откладывает яйца порциями, от нескольких штук до сотен. Развитие эмбриона зависит от климатических условий и может тянуться от нескольких дней до нескольких месяцев, особенно когда насекомое...

Я сама сейчас напоминала себе эмбриона какого-то нового существа – что-то появляется, что-то отмирает. Интересно, настанет ли миг, когда я стану взрослой особью? Вампиром или кем там еще...

– Из яичек появляются личинки – гусеницы. Они активно питаются, растут и накапливают вещества на следующие превращения...

Холли рядом всхрапнула. Она уже клевала носом, рискуя упасть с дивана. Я подхватила ее на руки. Какая теплая... Материнские инстинкты каждый раз с новой силой просыпались во мне рядом с Холли, но сейчас я испытала что-то еще. Было такое ощущение, будто я держу что-то необычайно хрупкое, волшебное – древнюю вазу или стеклянную статуэтку. Я уложила ее в свою кровать и накрыла одеялом. Холли нахмурилась и повернулась на бок во сне. Как жаль, что она не может жить со мной.

Когда я вернулась к телевизору, на экране уже истерично

вздрагивала куколка, из которой на свет божий старалась выползти бабочка. Вот она появляется – мокрая, жалкая, сморщенная. Рождение, новый облик. Ее крылья постепенно высыхают, наливаются красками, силой.

– Из куколки выводится бабочка. Имаго быстро достигает половой зрелости и через несколько дней готова к размножению. В зависимости от того, как быстро бабочка выполнит это основное предназначение, она живет от нескольких дней до нескольких недель. Исключение составляют зимующие бабочки, которые могут прожить более десяти месяцев.

Я задумчиво смотрела, как мертвые бабочки с прозрачными крыльями устилают землю. Перед внутренним взором снова вспыхнули глаза того парня. Когда я встретила его в кафе, он выглядел больным, но уже в баре вечером просто лучился здоровьем, а в роковую ночь был самым совершенством. Я подошла к зеркалу, подняла указательным пальцем верхнюю губу. Десны припухли и покраснели. Как буквально за пару дней могли сгнить два здоровых зуба? «Я хочу знать, – отчаянно думала я, глядя на свое отражение. – Хочу знать, кто ты такой. Кто я такая теперь, после встречи с тобой». В глубине отраженных глаз мелькнуло что-то незнакомое и зловещее.

Канун Хеллоуина выдался богатым на суету: я носилась туда-сюда, разводя раствор искусственной крови, подбирая косметику и отглаживая одежду, пока Холли ерзала по дивану, терпеливо слушая мое пыхтение.

Я расправила складки на хлопковой юбочке Холли и аккуратно завязала красный галстук. Она трещала над ухом, сбивая с мысли.

– Холли! – прорычала я сквозь зажатую в зубах кисть. – Пара минут! Мне нужна только *пара минут!*

– Лив, я устала сидеть! – захныкала Холли. – Я хочу в туалет!

– Потерпи. – Я обмакнула кисть в густую искусственную кровь. – Закрой глаза.

Холли зажмурилась, и я резко взмахнула кистью. Алые капли оросили ее костюм, левую сторону лица и прозрачный целлофан, которым я предусмотрительно накрыла диван. Я пару раз прижала кисть к уголку напудренных губ, чтобы «кровь» побежала ручейком до самой шеи, и отошла, созерцая результат.

– Как я выгляжу? – кокетливо спросила Холли и дотронулась языком до красной кляксы у рта.

– Чудовищно. Твоя мама будет в ужасе.

– Блеск! – Холли оживленно заболтала ногами над полом.

Через полчаса на машине Джейкоба приехала Шерил, ослепительная в платье из красного шелка. Она холодно посмотрела на меня, пока Холли семенила к ней. Я издевательски помахала кончиками пальцев, как когда-то сделала она, получив пощечину. Голубые глаза Шерил сузились.

Дома без Холли было тихо и неудобно. Атмосфера праздника улетучилась. Стараясь себя занять, я дотронулась до шеи: от шрама осталось только воспоминание, и все же память о том, куда пришелся укус, была все еще свежа. Такие вещи не забываются.

Часы показывали почти шесть. Я расположилась возле телевизора. Телеканалы были забиты тематическими передачами – куда ни глянь, всюду тыквы и полосатые ведьминские чулки. Я бы порадовалась даже пресловутой мелодраме, в которой все заканчивается хорошо, но не нашла ничего подобного. Настроение было хуже некуда.

Завибрировал телефон. Я медленно, как старушка, поднесла к нему руку и нажала на зеленую пиктограмму.

– Где ты, дорогуша? – раздался недовольный голос Джи. – Время уже шесть, а ты не красишь меня перед вечеринкой!

– Мы не договаривались встретиться, – вяло парировала я.

Джи помолчала. Когда она снова заговорила, каждое слово дышало гневом:

– Знаешь, я сделаю вид, что не слышала твоих слов. С какой это стати тебе нужно мое приглашение?

Я пожалала плечами, зная наверняка, что подруга сквозь расстояние почувствует этот жест. «С другой стороны, – пришла предательская мысль, – можно даже не наряжаться: среди искусственных монстров я буду настоящим и без мишуры». Джи ворчала что-то о безответственности и негодяях, рушащих дружбу, – ее сетования были еще невыносимей, чем гнетущие размышления о чудовище под личиной человека.

– Ну хорошо! – простонала я, откинувшись на спинку.

– Какая умница! – защebetала Джи, сменив инквизиторский тон на прежний елейный голосок. – Я заеду за тобой через полчаса.

Злая от того, что не сдержала обещания самой себе, я завалилась на ковер и замолотила руками по полу. Джи и мертвого поднимет, если ей от него что-то понадобится.

Она действительно явилась через полчаса, принеся с собой огромную сумку, аромат духов и упреки – такой привычный шлейф, что у меня защемило сердце. Цокнув языком, Джи вывалила кучу тюбиков, флакончиков и кистей и угрожающе подступила ко мне, но я отказалась от макияжа. Краситься – значит признавать празднование. Даже в компании Джи мне не хотелось этого делать.

– Что ж, – зло протянула она, с силой воткнув вилку плойки в розетку. – Твое право ходить как чучело.

Я смотрела на нее с нежностью, подмечая каждый поворот плойки, мазок кисточки. Джи смеялась и округляла гла-

за, рассказывая о чем-то; ее голос заполнял квартиру, как золотистый мед. Я чувствовала, как расслабляются скованные мышцы и уменьшается груз на сердце.

– Джи, – сказала я, когда она переделась в свой костюм, – спасибо, что ты есть.

Она крепко обняла меня, но ничего не ответила.

* * *

«Давилку» этим вечером можно было найти, даже идя вслепую, – тротуар вздрагивал в такт басам, в небо хищно впивались белые когти прожекторов. Рядом с Женевьевой я выглядела блекло в своей спортивной кофте и джинсах, с собранными в хвост волосами. Она-то постаралась на славу: черные локоны переливались в тусклом свете фонарей, макияж подчеркивал красоту точеного лица. Охранник впустил нас, задержав на мне брезгливый взгляд. Да, зрелище еще то: принцесса и нищенка.

В клубе было тесно; я даже подумала, что дома стоило облиться маслом – для облегчения продвижения. То тут, то там мелькали лица, раскрашенные под черепа светящейся краской. Женевьева здоровалась с некоторыми из них и даже сердечно расцеловывала в щеки. Я же будто угодила на шабаш; впечатление усиливала огромная клетка под потолком, где извивалась испещренная сияющими рисунками обнаженная девушка. Я обвела взглядом пульсирующую толпу, дикова-

того диджея, облаченного в залитый кровью фрак, и забитый людьми бар, где суетился бармен Руперт в костюме Джокера. В помещении то и дело вспыхивали алые и фиолетовые лампы; посетители то становились окровавленными, то синели, как от удушья.

– Джи! – крикнула я. Она склонилась ко мне, пританцовывая в такт музыке. – Пойдем наверх, мне что-то нехорошо.

Джи кивнула на шаткую лестницу на второй этаж – смотровую площадку. Мы протиснулись к ней и поднялись наверх; здесь тоже оказалось полно людей, желающих отдохнуть от дикого ритма. Они пренебрежительно смотрели вниз, на бурлящее море влажных человеческих тел, переговаривались, пытаясь перекричать музыку. Я прислонилась к железной перегородке рядом с целующейся парочкой. Джи качала бедрами, танцуя на месте.

– Тебя тошнит? – спросила она.

– Не надо было меня брать на вечеринку, я же тебе говорила.

– Я не узнаю тебя в последнее время, Лив, – вздохнула Джи. – У тебя не появилось никаких серьезных проблем? Я боюсь за тебя, девочка, вдруг ты...

Я не ответила – моим вниманием завладел тот, кого я совсем не ожидала здесь увидеть. Он стоял среди танцующих, одетый в обычную одежду, как и я, и смотрел только на меня. Голос Джи слился с общим гамом и превратился в белый шум; значение имели только ненавидистные глаза напротив, в

пяти метрах от меня. Рот заполнился чем-то кислым, гнилостно пахнущим: из клыков сочились ниточки инородной жидкости. Глаза парня устрасюще вспыхнули. Я знала, что он видит то же самое – в отражении хромированной стойки рядом сверкнуло расплавленное золото моих глаз.

И тогда я улыбнулась ему.

Глава 9

Музыка превратилась в протяжный, жуткий бас великана. Мы замерли, глядясь друг в друга. Угроза, исходящая от вампира, была слабой; от меня же она расходилась волнами, подобно электрическому разряду. Эмоции улетучились, уступив место чистым инстинктам.

Убить.

Моя рука сжала перегородку – холодная сталь смялась под пальцами, как пластилин. Одним ловким движением я перескочила перила – в спину брызнули вскрики и испуганный оклик Джи:

– Оливия!

Обутые в кроссовки ступни мягко, почти по-кошачьи коснулись бетонного пола. Вампир ринулся прочь. Словно ищейка я шла по его запаху. Пот, горячее тело, парфюм – ароматы безликой толпы пытались сбить меня со следа, но было что-то, что я выделила среди других нот, – тонкий сладковатый душок. Так пах ворох опавших листьев на заднем дворе, так пахло под крыльцом нашего с Джейкобом дома. Так пахнут мертвецы.

Вспышка осветила вампира: он рванул на себя тяжелую дверь в конце зала и скрылся за ней. Я грубо оттолкнула танцующую пару и, очутившись у двери, юркнула следом. Вниз уходила многоступенчатая лестница. Тьма вокруг начала на-

ливаться серым цветом, и я даже различила черные дорожки плесени на стенах. Ноги почти негнулись от напряжения, а пальцы, стиснутые в кулаки, дрожали – охотничий азарт заставлял кровь кипеть, бил фонтаном адреналина.

– Выходи! – закричала я.

Внизу было сыро и холодно. Шаги отдавались тихим шелестом в глухой тишине. Я остановилась. Сквозь отдаленный бас, грохочущий из клуба, доносился еще какой-то невнятный звук. Я обернулась, но никого не увидела. Звук, похожий на глухие удары по туго натянутой шкуре барабана, стал громче. Едва я делала шаг назад, как стук глож, но стоило шагнуть вперед – и он снова становился отчетливым. Звук манил, как рука за прозрачным занавесом, и я с новой силой ощутила запах мертвечины. Это не просто удары. Это его *сердцебиение*.

Я быстро двинулась вперед, руководствуясь «маячком», и вскоре далекий стук превратился во влажный грохот, словно по полу передо мной громко шлепало перепончатыми ногами чудовище из Черной Лагуны. Впереди стремительно скользнула серая тень, блеснули алые глаза, налитые кровью. Я взмахнула отяжелевшей рукой и почувствовала, как от напряжения застонали мышцы. Вампир увернулся, упав на пол, но тут же легко, как кошка, перекатился на колени и встал передо мной. На его губах застыла напряженная гримаса:

– Что ты, черт тебя дерит, делаешь?

– Закрой рот! – заорала я, набрасываясь на него.

Мы повалились на пол, но краем сознания я понимала, что он не сражается – только пытается защититься, и это сильнее разозлило меня. Изловчившись, я ударила его точно в плечо. Раздался тихий стук – будто я врезала по мешку с мукой. Парень испуганно выдохнул.

– Пожалуйста, дай мне минуту.

– Ты чуть не отобрал у меня целую жизнь, – прошипела я. – И просишь минуту?..

– Прошу. Я попробую тебе объяснить...

– К черту объяснения.

Его глаза недоверчиво блеснули:

– И тебя совсем не интересуют ни изменившиеся предпочтения, ни боль в зубах, ни жжение от солнца?

Я помедлила, глядя на него в упор. Упрямство мешало признать факт: если я убью его сейчас, то потеряю единственный ключ к информации. Он знал об этом и даже позволил себе слабо улыбнуться.

– Вот так... Теперь смотри внимательно.

Он расстегнул спортивную кофту и обнажил плечо. Я не сразу поняла, что вижу – на бледной коже темнела вмятина, словно я ударила не человека, а гипсовое изваяние. Из раны струился какой-то песок. Отвратительное зрелище приковывало взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.